

КИРА РЕЗНИК

— ПОСЛЕДНИЙ ВХОД —

ЧЕРНОВИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КНИГА 6

Кира Резник

Черновик

«Автор»

2026

Резник К.

Черновик / К. Резник — «Автор», 2026

После наблюдения и чтения приходит следующий уровень - авторский доступ. Надежда Климова получает черновик дела, которое еще не произошло: будущие протоколы, цифровые следы, медицинские формулировки и чужие подписи уже готовы, а живые люди только начинают двигаться по написанному маршруту. Система больше не исправляет прошлое - она пытается заставить настоящее стать удобной версией. На Литейном, в хранилище 47-Б/ХР и в старых цифровых контурах всплывают дела, которые когда-то казались отдельными преступлениями. Теперь они складываются в методику: человека можно не только наблюдать и читать - его можно попытаться написать заранее. Чтобы сломать сценарий, Наде придется услышать полную запись Марии Климовой, вернуть голос первому делу и отказаться от самой опасной роли - стать автором чужой правды.

© Резник К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	6
Глава 1. Авторский доступ	8
Глава 2. Резервное зеркало	13
Глава 3. До события	19
Глава 4. Формулировка	25
Глава 5. Одна строка	31
Глава 6. Не для неё	40
Глава 7. Отказ от роли	47
Глава 8. Медицинский повод	55
Глава 9. Не для неё	60
Глава 10. Нулевая папка	66
Глава 11. После даты смерти	71
Глава 12. Одиннадцать дней	78
Глава 13. Через сорок минут	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Кира Резник Черновик

Кира Резник
Последний вход
книга 6

Черновик

18+

Содержание

- Глава 1. Авторский доступ
- Глава 2. Резервное зеркало
- Глава 3. До события
- Глава 4. Формулировка
- Глава 5. Одна строка
- Глава 6. Не для неё
- Глава 7. Отказ от роли
- Глава 8. Медицинский повод
- Глава 9. Не для неё
- Глава 10. Нулевая папка
- Глава 11. После даты смерти
- Глава 12. Одиннадцать дней
- Глава 13. Через сорок минут
- Глава 14. Ключ с красной биркой
- Глава 15. Живая подпись
- Глава 16. Ключевой
- Глава 17. Одиннадцать дней
- Глава 18. Живой подписант
- Глава 19. Отказ считается согласием
- Глава 20. Другая Климова
- Глава 21. Версия свидетеля
- Глава 22. Своя бумага
- Глава 23. Скучный свидетель
- Глава 24. Одиннадцать дней
- Глава 25. Третьим голосом
- Глава 26. Репетиция смерти
- Глава 27. Женщина со шрамом
- Глава 28. Не рвать поводок
- Глава 29. Тот, кто первым поверил
- Глава 30. Резервный свидетель
- Глава 31. Кондратьевский
- Глава 32. Ребёнок в карте
- Глава 33. Законный представитель
- Глава 34. Старый ключ
- Глава 35. Четыре семнадцать
- Глава 36. Бумажный ребёнок
- Глава 37. Версия 2.0
- Глава 38. Материнский ключ
- Глава 39. Куратор
- Глава 40. Кузнецова А. В.
- Глава 41. Первичный носитель
- Глава 42. Не отвечать
- Глава 43. Лиговский носитель
- Глава 44. Где я ждала
- Глава 45. Вторичный голосовой ключ
- Глава 46. Хранилище 47-Б/ХР

- Глава 47. Третичный телесный ключ
- Глава 48. Учебные сценарии
- Глава 49. Автор уведомлён
- Глава 50. При протоколе
- Глава 51. Двенадцать допусков
- Глава 52. Первичный носитель
- Глава 53. Полная Мария
- Глава 54. Соавтор отказался
- Глава 55. Холодный режим
- Глава 56. Личное тоже улика
- Глава 57. Голоса после оглашения

Глава 1. Авторский доступ

Машина ушла от суда слишком спокойно, как будто весь город решил на несколько минут притвориться нормальным. Не было ни погони, ни крика за спиной, ни человека в тёмной куртке, который выскочил бы под колёса с папкой, перетянутой резинкой. Был только мокрый Петербург, вечернее стекло, серый поток фар на Литейном и тихое дрожание телефона у Нади на коленях.

На экране всё ещё висела короткая строка, появившаяся после того, как Корсакова передала им обрезок маршрута и ушла в толпу, будто всегда была частью чужой версии и только на секунду выпала из неё наружу.

Следующий уровень доступа: автор.

Надя не трогала экран. Телефон лежал поверх папки, которую Суханов сунул ей в руки уже в коридоре, когда они ещё слышали за спиной голоса приставов, шаги, чей-то кашель и сухое «пройдите». Папка была тонкая, почти пустая. В ней был один лист с напечатанным кодом, старым адресом без адреса и тремя словами, от которых воздух в машине стал плотнее.

Север-3.

Авторский доступ.

Резервное зеркало.

- Не нравится мне это, - сказала Рита.

Она сидела сзади, между Морозовым и Сухановым, хотя по возрасту, должности и характеру никто не должен был сажать её «между». Просто в машине так получилось: Паша за рулём, Надя рядом, остальные сзади, тесно, мокро, с запахом дешёвого кофе из автомата и холодной шерсти от Сухановского пальто. Рита держала сумку на коленях и смотрела не в окно, а в затылок Нади, будто именно там сейчас мог открыться доступ ко всей этой дряни.

- Что именно? - спросил Морозов. - Уточни список. У нас тут меню на восемь страниц.

- Слова. «Авторский доступ». Как будто его придумал человек, которому мало было просто нагадить людям в жизнь. Он ещё хотел, чтобы красиво называлось.

- Красиво не получилось, - сказал Суханов.

Голос у него был сиплый, будто он уже несколько суток говорил через мокрый бинт. После суда он почти не разговаривал. Надя знала это молчание. Не спокойствие, не усталость и не служебное «ждём вводных». Суханов молчал так, когда внутри у него уже шёл старый расчёт: кто кого прикроет, что можно оформить, кого можно вытащить, кого нельзя трогать без бумаги, где линия, после которой тебя начнут хоронить не в земле, а в приказах.

Паша вёл аккуратно, без резких перестроений. На мокром асфальте отражались рекламные щиты, белые полосы, красные огни, и вся дорога казалась чужой лентой монтажа, где кто-то заранее расставил нужные отблески.

- Морозов, - сказал он, не оборачиваясь. - Что с кодом?

- А что с кодом? Код красивый. Код как код. Если его вбить куда попало, нас красиво сожрут. Если не вбивать, тоже сожрут, но морально. Я за третий вариант.

- Какой?

- Сначала понять, куда он вообще стучится.

Морозов уже работал с планшета, положив телефон на колено. Свет экрана делал его лицо плоским и злым. Очки сползли к переносице, пальцы двигались быстро, но без той театральной уверенности, которую любили показывать в сериалах. Морозов никогда не выглядел человеком, который «сейчас всё взломает». Он выглядел человеком, который прекрасно знает, сколько всего нельзя взломать быстро, сколько протоколов лежит мёртвым грузом, сколько доступов не отзываются годами, потому что кому-то лень, страшно или удобно.

- Если это Север, - сказал Суханов, - там должны быть физические точки.

- Должны, - ответил Морозов. - Но «должны» - это у живых людей. У ведомственных систем обычно всё сложнее: одна часть умерла, вторая умерла, третья умерла, четвёртая числится в эксплуатации, потому что акт списания потеряли, а пятая на этом зарабатывает.

Рита коротко хмыкнула.

- Вот за это я тебя и терплю. Ты любой кошмар можешь до бухгалтерии.

Надя смотрела на экран своего телефона. «Автор». Слово было слишком человеческим. Слишком тёплым для того, что они уже видели. Объект наблюдения звучал грязно, но честно: за тобой смотрят. Читатель звучал хуже, потому что в нём было право чужого глаза на твою внутреннюю жизнь. Автор был другим. Автор не смотрел и не читал. Автор сидел за стол.

И писал.

Телефон коротко завибрировал.

Все замолчали сразу. Даже Паша, не повернув головы, перестал дышать так ровно.

На экране появилось уведомление без значка приложения, без отправителя, без привычной рамки.

Климова Н. А.

Черновик реакции.

Версия 1.7.

Надя не нажала. Она просто смотрела. В груди стало не холодно, а пусто, будто кто-то вытащил из неё один орган, временно, для проверки.

- Надя, - сказал Паша тихо.

Она подняла глаза. В лобовом стекле отражалось её лицо: размытое, с тенью под глазами, с чужим светом телефона под подбородком. На секунду показалось, что это не отражение, а карточка из дела, приколотая к доске красной кнопкой.

- Не открывай одна, - сказала Рита.

- Это не Мария, - ответила Надя.

- Да мне похуй, кто это. Не открывай одна.

Паша съехал к обочине перед светофором, включил аварийку. За ними сразу недовольно сигналнули, потом объехали, шурша по воде. Петербург не любил чужих остановок. Город вообще не любил, когда кто-то выпадал из потока.

- Дай мне телефон, - сказал Паша.

Надя посмотрела на его руку. Не на лицо, не в глаза, именно на руку. Живая, тёплая, с тонким шрамом у костяшки, который он получил ещё в первой их общей драке с реальностью, когда дело казалось просто делом, а не входом в чужой подвал. Рука была не угрозой. Именно поэтому угроза становилась точнее.

Она вспомнила Костю. Ключ с красной биркой. Подпись, которую он поставил, думая, что помогает. Дверь, которая открылась не потому, что он предал, а потому что был близким. В этой системе предательство было слишком грубым инструментом. Ей хватало доверия.

Экран мигнул.

Новая строка легла поверх старой.

Прогноз: объект откажется передать устройство Лазареву П. И.

Вероятность: 82%.

В машине стало так тихо, что Надя услышала, как Морозов втянул воздух сквозь зубы.

- Вот суки, - сказала Рита очень спокойно.

Суханов наклонился вперёд.

- Климова.

Надя не ответила. Строка светилась ровно. Не торжествовала, не насмехалась. Просто фиксировала. Как врач температуру. Как эксперт - вес сердца. Как архивариус - срок хранения.

Паша не убрал руку.

Она отдала ему телефон.

Не резко. Не демонстративно. Просто положила экраном вверх в его ладонь и отпустила. На секунду пальцы коснулись его кожи. Паша ничего не сказал, только взял аппарат так, будто ему передали не телефон, а чужую артерию.

Экран потемнел.

Потом вспыхнул снова.

Прогноз изменён.

Отклонение реакции: зафиксировано.

Запуск ветки 1.7-Б.

- Ну отлично, - сказал Морозов. - Они ещё и обижаются творчески.

- Можешь отключить? - спросил Суханов.

- Могу выбросить в Неву. Но подозреваю, Нева уже в курсе.

Паша держал телефон и смотрел на Надю. Не как на человека, которого надо успокоить. Не как на женщину, которую он хотел бы защитить. Как следователь смотрит на свидетеля, который только что дал слишком важное показание и сам ещё не понял, что сказал.

- Открываем вместе, - сказал он.

Надя кивнула.

Они не вышли из машины. Не стали искать кафе, кабинет, безопасную комнату. Безопасные комнаты в их жизни давно оказались самыми удобными ловушками. Паша развернул экран так, чтобы видели все. Морозов наклонился вперёд, Рита сжала сумку, Суханов взял телефон Нади за край, чтобы не бликовал свет.

Паша нажал на уведомление.

Открылся файл.

Не видео. Не голос. Не карта. Обычный документ с серой шапкой, будто его выгрузили из внутренней системы, где никто не думает о красоте, только о полях, номерах, основаниях и том, чтобы потом можно было сказать: всё оформлено.

Материал предварительной версии.

Уровень: авторский.

Объект реакции: Климова Н. А.

Сценарный контур: Север-3.

Резервное зеркало: активно.

Ниже шёл текст.

В 21:40 Климова Н. А. получит сведения о возможной угрозе жизни гражданки Громова Е. С., 1984 года рождения, сотрудницы частного медицинского центра «Невская речь». Сведения будут восприняты как достоверные ввиду наличия связки с материалами Климовой М. С. Объект предпримет самостоятельное действие до процессуального закрепления источника. Вероятность нарушения регламента: 74%.

Надя медленно подняла глаза на время в углу экрана.

21:31.

Рита первая выругалась, но тихо, без привычного огня.

- Она жива? Эта Громова?

Морозов уже искал. Пальцы у него двигались быстрее.

- Сейчас узнаем, насколько у нас современная литература.

Надя смотрела на имя. Громова Е. С. Частный медицинский центр «Невская речь». Слишком точное название для случайности. Речь. Голос. Мария. Фразы, которые заставляли людей говорить не своим ртом. Полная запись, которую нельзя слушать одной. Всё снова собиралось вокруг звука, но теперь звук был не уликой. Он был материалом.

- Нашли, - сказал Морозов. - Елена Сергеевна Громова. Логопед-нейропсихолог, специалист по речевой реабилитации, судебные консультации по голосовым пробам неофициально, красиво, конечно, не написано. Работает на Обводном. Сегодня смена до десяти.

- Адрес, - сказал Паша.

Морозов продиктовал.

Паша сразу включил поворотник и вышел из ряда. Машина дёрнулась, зашуршала по воде, город снова принял их в поток.

- Стой, - сказал Суханов.

- Нет, - ответил Паша.

- Лазарев.

- У нас девять минут до того, как они сами назвали время. Если это приманка, мы всё равно должны проверить живого человека.

Суханов тяжело выдохнул.

- Проверить - да. Самостоятельно влезть в херню без оформления - нет.

- Оформляй по дороге.

- Не командуй мной из-за руля.

- Тогда командуйте быстрее.

Рита посмотрела на Надю.

- А ты чего молчишь?

Надя всё ещё читала документ. Ниже была таблица с пунктами, сухая, почти канцелярская.

Ожидаемые действия:

1. Связь с Лазаревым П. И. - сохранена.

2. Передача устройства - отклонение зафиксировано.

3. Проверка Громовой Е. С. - инициирована.

4. Вероятная точка входа: медицинский контур.

5. Эмоциональный триггер: Климова М. С., запись полная.

А последняя строка была отделена от таблицы пустым пространством.

Примечание автора: сопротивление объекта является частью материала.

Надя почувствовала, как внутри поднимается злость. Не горячая, не спасительная, а рабочая, ровная. Такая злость не ломала руки и не заставляла кричать. Она очищала зрение.

- Они хотят, чтобы я поехала, - сказала она.

- Да, - ответил Морозов. - И чтобы ты подумала, что если не поедешь, станешь убийцей.

Приятный пользовательский опыт.

- Поедем всё равно, - сказала Надя.

Суханов коротко посмотрел на неё.

- Объясни.

- Потому что Громова может быть живой. Потому что имя настоящее. Потому что центр настоящий. Потому что связь с Марией не выглядит случайной. И потому что если они пишут мою реакцию, первая ошибка - доказывать им, что я умею не реагировать.

- А правильная?

Надя повернулась к Паше. Он смотрел на дорогу, но слушал каждое слово.

- Сделать так, чтобы реагировала не я одна.

Паша ничего не сказал, только чуть крепче взял руль.

Суханов достал свой телефон.

- Я подниму дежурного. Без истерики. Проверка угрозы, возможная связь с расследуемыми материалами, адрес, лицо живое. Рита, если это медицинский центр, ты не заходишь первой.

- Ой, конечно, пап. Я вообще в машине посижу, носочки повяжу.

- Рита.

- Да поняла я.

- Морозов?

- Я сижу, копаю. Пока могу сказать два неприятных слова.

- Только два? - спросила Рита.

- «Резервное зеркало». Это не сервер. Вернее, не один сервер. Это режим синхронизации. У них может быть несколько физических точек, и мы сейчас не знаем, где оригинал, где копия, а где специально оставленная приманка для дураков с профессиональной совестью.

- Для нас, значит, - сказала Рита.

- Я дипломатично промолчал.

Надя снова посмотрела на документ. Строки не менялись. Автор молчал. Но молчание было хуже сообщений. Где-то за этим экраном не сидел человек в капюшоне, не печатал злое фразы, не ждал, пока они доедут. Страшное было в другом: документ уже лежал в системе, как будто всё происходящее являлось не жизнью, а приложением к нему.

Через пять минут они были на Обводном.

Медицинский центр «Невская речь» занимал два этажа в здании, которое когда-то, наверное, пытались привести в порядок. Фасад был выкрашен в спокойный бежевый, вывеска светилась мягко и дорого, у входа стояли два горшка с туями, мокрыми, жалкими, слегка офисными. Рядом шумели машины, пахло бензином, сырой штукатуркой и сладковатым кофе из соседней пекарни.

Паша припарковался через дорогу.

- Без геройства, - сказал Суханов.

- Поздно, - ответила Рита. - Мы уже давно не в протоколе.

Морозов поднял на неё глаза.

- Что?

- Ничего. Профессиональное предчувствие.

Надя вышла первой, но не пошла к входу. Остановилась под дождём и посмотрела на окна второго этажа. В одном горел свет. За стеклом прошла женщина в белом халате, остановилась, будто услышала что-то, и исчезла из видимости.

Телефон в руке Паши снова завибрировал.

Он посмотрел на экран. Лицо у него изменилось почти незаметно.

- Что там? - спросила Надя.

Паша повернул телефон к ней.

Ветка 1.7-Б подтверждена.

Громова Е. С. будет обнаружена живой.

Климова Н. А. неверно определит угрозу.

Ниже, отдельной строкой:

Настоящее событие уже началось.

Надя подняла глаза на светящееся окно.

В этот момент где-то за углом здания коротко вскрикнули.

Не громко. Не киношно. Так кричат люди, которые успели понять только начало боли и ещё не решили, звать ли на помощь.

Паша уже бежал.

Надя сорвалась следом.

Глава 2. Резервное зеркало

За углом медицинского центра была не тёмная подворотня, как удобно написали бы в плохом деле, а узкий служебный проезд с мусорными контейнерами, мокрым картоном, тремя припаркованными машинами и одной лампой над чёрным ходом. Лампа мигала, но не для атмосферы. Просто дешёвая проводка, старый патрон, вода в щели. В Петербурге даже страх иногда держался на коммунальной усталости.

Паша первым влетел в проезд и резко остановился. Надя почти ударила его в спину.

Женщина сидела на земле возле контейнера, прижимая ладонь к щеке. Пальцы были в крови, но крови было мало. Больше было испуга: открытый рот, бессмысленный взгляд, мокрые волосы, сумка, вывернутая на асфальт. Возле ноги валялся бейджик на синей ленте.

Громова Елена Сергеевна.

- Живая, - сказала Рита за спиной.

Она произнесла это не с облегчением, а как диагноз, который ещё ничего не решал.

Паша присел перед Громовой, показал удостоверение.

- Елена Сергеевна, вы меня слышите?

Женщина кивнула слишком быстро.

- Он... он не забрал ничего. Я думала, телефон. Он спросил...

- Кто?

- Я не знаю. В капюшоне. Нет, не в капюшоне... в обычной куртке. Господи, я не помню.

- Что спросил?

Громова посмотрела на Надю. Именно на неё, хотя Надя ещё не сказала ни слова.

- Он спросил: «Она уже приехала?»

Дождь шёл мелко, почти пылью. На асфальте расплзались тонкие красноватые разводы от её пальцев. Рита опустила рядом, убрала руку женщины от лица, осмотрела рассечение у скулы.

- Поверхностно. Головой ударились?

- Нет. Кажется, нет. Он толкнул. Я упала.

- Тошнит? В глазах темнело?

- Нет.

- Хорошо. Посидите. Не геройствуйте. Героев потом в актах описывают коряво.

Суханов уже говорил по телефону, коротко и зло, оформляя то, что ещё минуту назад было только чужим черновиком. Морозов стоял под козырьком, держал планшет и смотрел не на Громову, а на дверь, камеру над ней и маленькую серую коробку домофона.

- Камеры? - спросила Надя.

- Есть, - сказал Морозов. - И сейчас я скажу страшную современную фразу: возможно, даже работают.

Паша поднял с земли бейджик, но не отдал сразу. Посмотрел на обратную сторону. Там был наклеен маленький квадратный код для внутреннего прохода.

- Кто знал, что вы выходите через чёрный ход? - спросил он.

Громова провела языком по губам. На губе тоже была кровь.

- Все. У нас сотрудники так выходят, когда поздно. Там ближе к парковке.

- Сегодня у вас была смена до десяти?

- Да. Откуда вы...

Она снова посмотрела на Надю. В этом взгляде было уже не только испуг. Там было узнавание, которое Громова не хотела показывать.

- Вы знаете меня, - сказала Надя.

Громова отвернулась.

Рита приподняла бровь.

- Елена Сергеевна, я сейчас буду вам портить вечер ещё сильнее. Если вы знаете Климову, лучше сказать, пока у вас только скула, а не вся жизнь через мясорубку.

- Я не знаю её, - быстро сказала Громова.

Слишком быстро.

Паша встал.

- Но вы знаете Марию Климову.

Громова закрыла глаза.

На секунду вся картина стала неподвижной: женщина на мокром асфальте, Рита рядом на корточках, Суханов с телефоном у уха, Морозов под козырьком, Паша с бейджиком в руке, Надя чуть в стороне. Красивой сцены не было. Был служебный двор, холод, контейнеры и живой человек, который только что понял, что прошлое не лежит в архиве. Оно выходит через чёрный ход и спрашивает, приехала ли она.

- Я не должна была, - сказала Громова.

- Что именно? - спросила Надя.

- Сохранять копию.

Морозов медленно поднял голову.

- Какую копию?

Громова молчала.

Суханов завершил звонок и подошёл ближе.

- Сейчас сюда едут наши. Скорая тоже. У вас есть минуты две сказать это людям, которые уже понимают, насколько всё плохо. Потом начнутся протоколы, и вы будете говорить то же самое, только дольше, хуже и с адвокатами.

- Мне нельзя, - сказала она.

- Вам уже нельзя не говорить, - ответил Суханов.

Громова посмотрела на Нади. Теперь открыто.

- Я слышала вашу мать.

Надя не почувствовала удара. Тело иногда умело беречь себя и не отдавало боль сразу. Сначала пришла пустая техническая мысль: вот связка. Потом другая: она жива, значит может сказать. Потом третья, совсем сухая: сейчас меня будут писать.

- Где? - спросила она.

Громова сглотнула.

- Не здесь. Тогда ещё не здесь. Это был экспертный контур при закрытом центре, я была младшим специалистом по речевым нарушениям. Нас привлекали для расшифровки и оценки сохранности речи после... после состояний.

- После каких состояний? - спросила Рита.

Громова посмотрела на неё и поняла, что врать врачу будет хуже.

- После фармакологического воздействия. После длительной изоляции. После попыток суицида. После того, как человек говорит, но речь уже не принадлежит обычному режиму.

Рита медленно выпрямилась.

- Как же вы аккуратно произносите мерзость.

- Я была младшим специалистом.

- Это не диагноз, - сказала Рита.

Надя слышала их как через воду. Мария говорила. Мария была не только в памяти, не только в старых справках, не только в Сухановской вине и не только в чужих предупреждениях. Её голос держали, слушали, расшифровывали, оценивали на сохранность. Как материал. Как образец. Как вещь, которую можно положить в папку, вернуть, синхронизировать.

- Копия где? - спросил Морозов.

- Не цифровая, - сказала Громова.

Он моргнул.

- Что значит «не цифровая»?

- Бумага. Расшифровки. Фрагменты. Ручные пометки. Тогда часть записей уже нельзя было нормально открыть, звук рассыпался, а бумага осталась. Я забрала несколько листов, когда центр закрывали.

- Почему? - спросил Паша.

Громова усмехнулась, и усмешка получилась кривой из-за рассечённой щеки.

- Потому что там была женщина, которую никто не собирался выпускать живой из текста. Я тогда ещё думала, что если оставить бумагу, она останется человеком.

Надя подошла ближе.

- Что она говорила?

Громова посмотрела на неё с таким страхом, будто Надя спросила не о словах, а о способе вскрытия.

- Не здесь.

- Елена Сергеевна.

- Не здесь, - повторила Громова. - И не вам одной.

Рита тихо сказала:

- Умная женщина.

Сирена скорой появилась где-то далеко, ещё не видимая, но уже вписанная в мокрый шум Обводного. Суханов повернулся к Паше.

- Забираем её официально.

- Как потерпевшую? - спросил Паша.

- Как свидетеля по угрозе жизни и возможному нападению. Потерпевшая потом. Надя, ты с ней не остаёшься одна.

- Я слышала.

- Я не для галочки сказал.

- Я слышала.

Морозов подошёл к чёрному ходу и присел возле домофонной коробки. Снял на телефон пломбу, провод, крепление, потом камеру.

- А вот это интересно.

- Что? - спросил Паша.

- Камера не местная. То есть висит местная, корпус местный, пыль местная, тоска местная. А питание через дополнительный блок. И сеть не их.

- Чья?

- Сейчас бы мне кто-нибудь дал табличку «злодей, третий этаж». Но нет. Прокинуто через соседний офис. Видеопоток уходит не в регистратор центра. Он уходит куда-то ещё.

- Резервное зеркало? - спросила Надя.

Морозов кивнул не сразу.

- Может быть. А может, обычный левый просмотр. Но если это зеркало, то оно не хранит файл. Оно хранит поведение. Кто вошёл, кто вышел, когда испугался, кто первым побежал. Очень современная дрянь: ты думаешь, что снимают место, а снимают реакцию.

Громова вдруг сказала:

- Они писали не её.

Все повернулись к ней.

- Что? - спросила Надя.

- Ваша мать. Они думали, что пишут её. Проверяли речь, устойчивость, провалы, реакцию на имена. Но потом... потом кто-то написал на полях: «Материал перспективен через дочь». Я запомнила, потому что это было невозможно забыть.

Надя не шевельнулась.

Паша сделал шаг ближе, но остановился. Правильно остановился.

- Дословно? - спросил Суханов.

Громова кивнула.

- Почерк был не врача. И не эксперта. Человек, который привык не лечить и не исследовать, а назначать смысл.

Скорая въехала во двор, осветила всех белым, слишком честным светом. Громова зажмурилась. На её лице кровь стала темнее.

Надя смотрела на неё и понимала, что первый удар уже случился, но был не там, где они ждали. Громова жива. Нападение грубое, почти демонстративное. Файл не солгал, но не сказал главного. Настоящее событие началось не с крика во дворе.

Оно началось много лет назад, когда кто-то посмотрел на голос Марии и увидел в нём не женщину, а способ однажды написать её дочь.

Фельдшер вышел из машины, спросил громко и устало:

- Кто пострадавшая?

Рита подняла руку.

- Вот она. И сразу предупреждаю: если сейчас напишете «упала сама», я вам ручку в ухо вставлю, аккуратно, по медицинским показаниям.

Фельдшер посмотрел на неё, на Суханова, на Пашу и решил не спорить.

Пока Громову осматривали, Морозов продолжал копать в камере. Паша отошёл к Наде.

- Ты как?

Вопрос был плохой, но честный. И задан не для протокола.

- Функционирую.

- Это не ответ.

- Зато пригоден для дела.

Паша чуть кивнул. Не стал трогать, не стал уговаривать, не стал превращать её в человека, которого надо срочно усадить и напоить сладким чаем. За это ему можно было доверять опаснее всего.

Телефон Нади всё ещё был у него.

Он посмотрел на экран.

- Новое.

Надя взяла себя за край рукава, чтобы не потянуться к телефону сразу.

- Читай.

Паша прочёл вслух:

Громова Е. С. не является целью.

Ниже мигала строка загрузки, потом появилась следующая.

Цель: подтверждение модели Климовой Н. А.

И ещё одна.

Первичная проверка: успешна.

Рита, которая стояла рядом и спорила с фельдшером о госпитализации, резко повернулась.

- Вот теперь я официально хочу кого-нибудь вскрыть.

Морозов поднялся с корточек. Лицо у него было неприятно бледным.

- У меня тоже подарок.

- Давайте уже ёлку поставим, - сказал Суханов.

- Камера писала не только двор. Там был микрофон. Хороший. Направленный. Он снял не нападение, а нашу реакцию после. И поток ушёл в узел, который активировался семь минут назад.

- Где узел?

Морозов показал планшет. На карте Петербурга загорелись сразу три точки: Обводный, старый корпус на севере и ещё одна, возле Лиговского.

- Это не место, - сказал он. - Север-3 - не место. Это режим. Он открывается там, где есть нужный человек, нужный доступ и нужная реакция.

Надя посмотрела на карту.

Три точки были соединены тонкой серой линией. Не красной, не тревожной. Просто линией. Как маршрут.

Паша спросил:

- Какая точка главная?

Морозов медленно увеличил карту. Третья точка, возле Лиговского, пульсировала слабее остальных.

- Если верить грязи, главной нет. Но есть свежая.

На экране появилась подпись.

Центр процессуального сопровождения «Контур-М».

Суханов тихо выругался.

Надя посмотрела на него.

- Знаете?

- Не хочу знать.

- Это не ответ.

- Зато пригоден для дела, - сказал Суханов и впервые за вечер посмотрел почти с живой злостью. - Они оформляют экспертизы для судов, медиков и частных служб. Ничего не решают. Только помогают правильно написать.

Рита усмехнулась без веселья.

- Конечно. У нас же никто не убивает. У нас все только правильно пишут.

Громову погрузили в скорую. Она вдруг ухватила Надю за рукав, когда та подошла к дверце.

- Не слушайте первый фрагмент, - сказала она.

- Почему?

- Потому что он не первый.

- Что это значит?

Громова закашлялась, фельдшер раздражённо попросил отойти, но она не отпустила.

- Они переставили порядок. Чтобы вы слышали мать раньше женщины.

Надя наклонилась ближе.

- Где бумага?

Громова прошептала адрес. Не домашний. Не рабочий. Камера хранения на Московском вокзале. Ячейка. Код.

Паша записал. Суханов услышал. Рита тоже.

Громова отпустила рукав.

- Там не всё. Но там есть полях. На полях всегда честнее, чем в тексте.

Двери скорой закрылись.

Надя осталась под дождём с чужим кодом и ощущением, что её снова подвели к выбору, который уже внесли в таблицу.

Телефон у Паши мигнул ещё раз.

Он не стал читать молча.

- «Ожидается самостоятельный выезд Климовой Н. А. к месту хранения». Вероятность 89%.

Надя протянула руку.

Паша напрягся, но отдал телефон.

Она посмотрела на строку, потом на Пашу, Суханова, Риту и Морозова.

- Едем все.

Морозов вздохнул.

- А я уже начал надеяться, что мы сделаем что-нибудь тупое и непредсказуемое.

- Сделаем, - сказала Надя. - Оформим.

Суханов усмехнулся коротко, почти незаметно.

- Вот это действительно против природы.

Надя набрала номер дежурного следователя, которого терпеть не могла, и сухо продиктовала основания. Без просьб, без объяснений, без лишней боли. Пока она говорила, дождь стекал по экрану, Паша смотрел на дорогу, Рита курила не зажигая, а Морозов матерился себе под нос, потому что карта продолжала пульсировать.

На третьей точке возле Лиговского появилась новая подпись.

Черновик 1.8.

Глава 3. До события

Камеры хранения на Московском вокзале пахли металлом, мокрыми куртками, пластиком чемоданов и дешёвыми булками, которые кто-то ел слишком близко к автоматам. Поток людей здесь не прекращался даже поздно вечером. Люди приезжали, уезжали, теряли билеты, ругались по телефону, держали детей за капюшоны, спали на сумках, покупали воду по цене маленькой услуги и не знали, что рядом с ними чужая жизнь может лежать в ячейке под четырёхзначным кодом.

Надя не любила вокзалы. Не из-за романтики отъезда, которой у неё никогда не было, а из-за того, что здесь человек быстро становился функцией: пассажир, ожидающий, опоздавший, встречающий, забывший. Вокзал умел стирать лица не хуже архива. Только архив делал это медленно, пылью и сроками хранения, а вокзал - шумом.

Суханов всё-таки оформил выемку как положено, настолько быстро и грубо, что дежурный по вокзалу сначала попытался возмутиться, потом посмотрел на его лицо и выбрал долготелетие. Паша стоял чуть в стороне, контролируя проход. Рита с Морозовым спорили у колонны: Рита требовала, чтобы он перестал смотреть на камеры как на живых врагов, Морозов отвечал, что камеры, в отличие от многих людей, хотя бы честно висят.

- Ячейка сорок девять, - сказал Суханов.

- Код у Паши, - ответила Надя.

Это было намеренно. Она могла запомнить код с первого раза. Паша это знал. Суханов тоже. Морозов точно знал, потому что успел бы прочитать его по движению глаз, если бы очень захотел и совсем потерял человеческий вид. Но код записал Паша, и Надя не попросила повторить.

Они ломали не сценарий целиком. Пока только маленькие привычки. В таких мелочах чужой автор чаще всего и прятался.

Паша подошёл к автоматическому блоку, ввёл номер ячейки, потом код. Экран попросил подтверждение. Он нажал. Замок щёлкнул слишком громко.

Внутри лежал плоский коричневый пакет, перевязанный чёрной резинкой. Никаких зловещих символов, красных меток и театра. Обычный пакет для документов, купленный в канцелярском отделе. На лицевой стороне синей ручкой было написано:

М. К.

Речь.

Не первый фрагмент.

Надя не взяла его сразу.

- Паша, - сказала она.

Он понял. Достал пакет сам, положил на заранее раскрытую папку Суханова. Рита пристынула.

- Боже, какие мы процессуальные. Я аж вспотела в душе.

- У тебя она есть? - спросил Морозов.

- У меня, мальчик, есть всё, что нужно для счастья. Сомнения, перчатки и доступ к трупам.

- Мечта.

Они отошли в маленькое служебное помещение, где обычно оформляли забытые вещи и ругались с людьми, потерявшими зарядки, шарфы и чувство реальности. На стене висел календарь с видами Петербурга, совершенно издевательский: летний Исаакий, голубое небо, туристы. Под календарём стоял стол с царапинами, чайником, двумя стульями и запахом старой бумаги.

Суханов закрыл дверь.

- Открываем при всех.

Рита достала перчатки, раздала. Морозов поставил телефон на запись, но Суханов посмотрел так, что он поморщился.

- Ладно. Служебный регистратор. Я понял. Нельзя просто жить, надо страдать по форме.

- По форме иногда выживают, - сказал Паша.

Надя посмотрела на него. Фраза была не красивой, а нужной. И поэтому больнее.

Пакет открыл Суханов. Внутри лежали шесть листов ксерокопии, пожелтевших не по настоящему, а от плохого хранения, две полоски факсовой бумаги, на которой текст почти выцвел, и маленький диктофон старой модели. Не флешка. Не современный носитель. Серый прямоугольник с царапиной у кнопки воспроизведения.

Морозов увидел диктофон и замер.

- О, древняя погань.

- Можешь снять звук безопасно? - спросила Надя.

- Безопасно - нет. Аккуратно - да. Но я бы сначала смотрел бумагу. Громова сказала про поля.

Суханов разложил листы.

Надя узнала имя матери не по тексту, а по тому, как тело отказалось делать следующий вдох.

Климова Мария Сергеевна.

Речевая проба.

Материал 3.

Состояние после медикаментозной коррекции.

Оценка: фрагментарная связность сохранена.

Дальше шла расшифровка. Слова были оборваны, местами заменены скобками, местами помечены как «неразборчиво». Но полей было больше, чем текста. Разные почерки, разные ручки, разные годы. Кто-то отмечал дыхательные паузы. Кто-то - эмоциональную реакцию на имя «Надя». Кто-то обводил повторяющиеся фразы. А один почерк, резкий, уверенный, не медицинский, сделал запись сбоку:

Дочь реагирует на ложь через телесное напряжение. Перспективно.

Рита медленно опустилась на стул.

- Я бы сейчас сказала что-нибудь матерное, но у меня запас слов временно сдох.

Надя смотрела на строку. Дочь. Не девочка. Не родственник. Не несовершеннолетняя. Дочь как функция реакции. Маленький механизм рядом с большим материалом.

- Сколько мне было? - спросила она.

Никто не ответил сразу.

Паша взял второй лист, посмотрел дату.

- Двенадцать.

Комната стала меньше.

За дверью кто-то смеялся. Обычный вокзальный смех, мужской, усталый. Снаружи жизнь продолжала идти туда, куда ей написали билеты.

Суханов выругался одними губами. Рита подняла на него глаза.

- Ты не мог знать всё.

- Я и не всё не знал, - сказал он.

Фраза вышла тяжёлая, неправильная, но честная. Суханов сел на второй стул, хотя обычно стоял до последнего, будто стул был капитуляцией.

- Первый конвойный, - сказала Надя. - Красный корпус. Север-2. Ты видел её после?

- Видел.

- Говорила?

Суханов кивнул.

- Плохо. Но говорила.

- Что?

Он посмотрел на листы.

- Не тебе сейчас одной это слышать.

- Я не одна.

- Тогда не от меня. От записи.

Морозов осторожно взял диктофон, осмотрел батарейный отсек, контакты, корпус.

- Старый, но живой. Если внутри кассета, а не цифровая память, у нас будет веселье с оцифровкой. Если цифровая память, у нас будет другое веселье. В любом случае я не жму кнопку в этом сарае.

- Почему? - спросил Паша.

- Потому что если эта штука связана с авторским доступом хотя бы как триггер, она может быть не опасна технически, но опасна процедурно. Нажмём тут - потом окажется, что мы прослушали вне протокола, нарушили, исказили, уничтожили цепочку хранения, обидели Святого Эксперта и его нотариального хомяка.

Рита посмотрела на него с почти нежностью.

- Всё-таки ты умеешь говорить романтично.

Надя взяла первый лист. Не диктофон. Бумагу. На бумаге мать была не голосом, а следом чужого слуха.

...не ей... не надо ей...

(пауза 11 сек.)

если придёт человек с делом, пусть слушает...

(неразборчиво)

...Надя не должна...

На полях другим почерком:

Фрагмент переставить. Для дочери начинать с обращения.

Надя прочитала эту строку дважды.

Потом третий раз.

- Они монтировали порядок, - сказала она.

- Да, - ответил Морозов. - Громова была права. Первый фрагмент - не первый.

Паша взял лист осторожно, не касаясь её пальцев.

- Смотри.

На втором листе внизу была служебная отметка, почти стёртая ксерокопией:

Порядок воспроизведения для объекта Н. К. утверждён.

Подпись была неразборчива. Но рядом стоял короткий код.

АВТ-0.

- Авторский ноль, - сказал Морозов тихо.

- Первый вход? - спросила Рита.

- Не знаю. Но похоже на корневую роль. Не человек, а уровень.

Суханов наклонился к листу.

- Есть журнал?

- На бумаге нет. В цифре, если повезёт, следы остались. Если не повезёт, следы тоже остались, просто в таком месте, куда придётся лезть с зубами.

Телефон Нади лежал на столе между ними. Экран был тёмный.

Он загорелся без звука.

Никто не коснулся.

Паша повернул его так, чтобы все видели.

Черновик 1.8.

Стадия: вокзал.

Ожидаемое действие: прослушивание фрагмента вне защищённого контура.

Вероятность снижена: 41%.

Коррекция сценария: активирована.

- Они видят нас? - спросила Рита.

- Они видят не нас, - сказал Морозов. - Они видят совпадение поведения с моделью. Это хуже. За камерой можно спрятаться, а от статистики только умереть красиво.

Экран мигнул снова.

Вход Лазарев П. И.

Авторская правка: подтверждена.

Паша медленно выпрямился.

Надя не сразу поняла, что все смотрят не на телефон, а на него.

Он взял экран, прочитал ещё раз, будто мог изменить буквы силой нормального человеческого недоверия.

- Я этого не делал.

Фраза прозвучала спокойно. Слишком спокойно. Так говорят люди, которые понимают: оправдание уже запоздало, даже если они невиновны.

Суханов поднялся.

- Морозов.

- Уже смотрю.

Пальцы Морозова метнулись к планшету. Он не стал шутить. От этого стало хуже.

Надя смотрела на Пашу. Внутри не было подозрения в привычном смысле. Она не думала: он предал. Не думала: он мог. Не думала даже: нет, никогда. Она знала другое - система не нуждалась в предательстве. Ей было достаточно формы близости, роли, старой связки, доверенного контакта, подписи, жеста, телефона, который она сама передала ему двадцать минут назад, чтобы не совпасть с прогнозом.

Вот где была настоящая ловушка: даже отказ от сценария мог стать материалом сценария.

Паша положил телефон на стол.

- Проверь устройство. Моё. Сейчас.

- Паша, - сказала Надя.

Он посмотрел на неё.

- Не защищай меня.

- Я и не собиралась.

- Хорошо.

Это «хорошо» было больше любой нежности. Рита молча достала сигарету, вспомнила, где они находятся, сломала её пополам и бросила в мусорное ведро.

Морозов подключил Пашин телефон к своему планшету через короткий кабель. Паша отдал аппарат без пароля, без паузы, без обиды. Именно это и было страшно. Невиновный человек иногда ведёт себя слишком правильно, и система любит такие подарки.

Суханов встал у двери.

- Никто не выходит.

- А если войдут? - спросила Рита.

- Пожалеют.

Морозов работал молча почти три минуты. В комнате стало слышно, как гудит чайник, хотя он был выключен. Потом Морозов откинулся назад.

- Плохо.

- Насколько? - спросил Паша.

- Не «ты нажал не туда» плохо. Не «у тебя украли пароль» плохо. Глубже. У них нет твоего действия. У них есть подтверждение роли.

- По-русски, - сказал Суханов.

Морозов снял очки, протёр их краем свитера.

- В том деле с якорем... - он осёкся и поморщился. - Когда Пашу пытались оформить как стабилизирующий контакт Климовой. Там был создан контур роли. Не учётка человека, а привязка функции: Лазарев П. И. как допустимый внешний держатель реакции объекта. Официально это должно было умереть, когда мы разорвали связку. Не умерло. Его не используют как Пашу. Его используют как роль «Лазарев».

Паша смотрел на него неподвижно.

- То есть я не входил.

- Ты - нет. Но система считает, что твоя роль может подтверждать правки по Наде.

Рита тихо сказала:

- Какая же изящная гниль.

Надя почувствовала, как старый воздух снова входит в лёгкие. Не облегчение. Нет. Облегчение было бы слишком простым. Паша не предал, не нажал, не подписал. Но его всё равно использовали. И использовали именно потому, что он был рядом, потому что однажды его уже пытались сделать якорем, потому что она сама ломала сценарий через доверие к нему.

Паша усмехнулся. Коротко, без радости.

- Значит, я всё-таки рычаг.

- Нет, - сказала Надя.

Он посмотрел на неё резко.

- Не сейчас.

- Именно сейчас. Рычагом тебя делает тот, кто ждёт, что я либо поверю тебе слепо, либо оттолкну. Оба варианта их устраивают.

- А третий?

Надя взяла лист с пометкой АВТ-0 и положила рядом с телефоном.

- Третий - оформить тебя как отдельного участника дела. Не как мой контакт. Не как моё доверие. Не как якорь. Как следователя, чьё действие требует собственной проверки и не может подтверждать мои реакции.

Суханов посмотрел на неё медленно, внимательно.

- Ты понимаешь, что это ударит по нему?

- Да.

Паша кивнул.

- Делаем.

- Паша.

- Делаем, - повторил он. - Если роль пишет за меня, я хочу, чтобы у роли начались проблемы с документами.

Рита вдруг рассмеялась. Тихо, зло.

- Господи. Мы победим их канцелярией. Я всегда знала, что ад пахнет тонером.

Морозов уже набирал что-то на планшете.

- Надо зафиксировать несанкционированное использование контурной роли. Суханов, мне нужны формулировки, чтобы это не выглядело как поэзия душевнобольного айтишника.

- Сделаем, - сказал Суханов.

Телефон Нади снова загорелся.

Все посмотрели.

Коррекция сценария: задержка.

Отклонение: коллективное.

Пауза.

Потом новая строка.

Переход к событию 2.

На экране появилась фотография.

Не Громовой. Не Марии. Не Паши.

Фото было сделано сверху, с камеры наблюдения. На нём молодая женщина в светлой куртке стояла у пешеходного перехода возле Лиговского, держала телефон двумя руками и смотрела на экран. Вокруг шли люди. Никто на неё не смотрел.

Под фотографией была подпись:

Объект события: жива.

Время до оформления: 34 минуты.

Ниже, как плевок:

Причина смерти предварительно выбрана.

Рита медленно встала.

- Нет.

- Ты её знаешь? - спросила Надя.

Рита смотрела на фото так, будто ей показали не человека, а тело, которое ещё не успело лечь на стол.

- Это не моя знакомая.

- Тогда что?

Рита повернула экран к себе, увеличила изображение, ткнула пальцем в едва заметную деталь на шее женщины - маленький пластырь после пункции или укола.

- Я знаю формулировку, которую они выбрали.

Морозов поднял глаза.

- Как?

Рита сказала тихо, почти без мата:

- Потому что мне её уже прислали на согласование.

В комнате стало очень тихо.

Снаружи объявили прибытие поезда. Женский голос в динамике произнёс маршрут ровно и безучастно, как будто мир всё ещё верил в расписание.

Рита достала свой телефон, открыла служебную почту и показала письмо.

Тема:

Предварительная консультация. Возможная причина смерти. Срочно.

Время получения: 21:12.

То есть раньше, чем Громова вскрикнула во дворе. Раньше, чем они открыли ячейку. Раньше, чем Паша ввёл код. Раньше, чем живая женщина на фотографии дошла до перехода.

Надя прочитала первую строку письма.

Просим оценить корректность формулировки для случая, который будет передан в работу после наступления события.

Рита смотрела на неё, и впервые за всё время на её лице не было ни злости, ни защиты, ни привычной грубой брони.

- Они прислали мне смерть до смерти, - сказала она.

Телефон Нади погас.

На столе остались листы Марии, код АВТ-0, Пашин мёртвый контур роли и письмо, в котором будущему телу уже подбирали правильные слова.

Глава 4. Формулировка

Рита держала телефон так, будто аппарат был не вещью, а куском чужого тела, который ей всучили без перчаток. На экране светилась служебная почта, короткая тема, три строки письма и вложение с названием, от которого становилось хуже, чем от любой фотографии.

Предварительная консультация. Возможная причина смерти. Срочно.

Московский вокзал вокруг жил своим отдельным, наглым расписанием. Поезда объявляли прибытие, люди тянули чемоданы, кто-то ругался у автомата с кофе, ребёнок плакал устало и без надежды быть услышанным. На столе в комнате транспортников лежали листы Марии, код АВТ-0, распечатка из ячейки, телефон Нади и Пашин аппарат с подключённым кабелем. Всё это выглядело как плохая выставка: что случается с человеком, когда его перестают считать человеком и начинают считать материалом.

- Открывай вложение, - сказал Суханов.

Рита не сразу ответила. Большой палец остановился над экраном, ноготь упёрся в стекло. Она смотрела не на письмо, а чуть ниже, будто пыталась вспомнить, когда именно её профессия успела стать частью чужого сценария.

- Я сейчас очень хочу сделать вид, что это спам, - сказала она. - Типа «вам одобрен кредит на смерть, получите в течение суток». Но нет. Почта моя. Время моё. Адрес служебный. Красота, блядь.

- От кого?

- От ящика, который не должен писать живым людям. «Консультационный контур экспертного сопровождения». Звучит так, будто они даже на визитке извиняются за отсутствие души.

Морозов протянул руку.

- Покажи заголовки.

- Только не оближи от радости.

- Рита, я сейчас не в форме для эротики с почтовыми заголовками.

Он взял телефон, подключил к планшету через короткий переходник, не открывая вложение. Лицо у него стало совсем плоским. Так он выглядел, когда переставал ругаться вслух и начинал ругаться вглубь.

Надя стояла у стола. Не садилась. Если сесть, тело могло принять позу ожидания, а ожидание сейчас было самым удобным способом проиграть. На экране её телефона всё ещё висела фотография женщины у перехода. Светлая куртка. Телефон в обеих руках. Маленький пластырь на шее, почти незаметный, если не знать, куда смотреть. Толпа вокруг. Лиговский. Тридцать четыре минуты до оформления.

Слово «оформление» было хуже слова «смерть». Смерть хотя бы оставалась событием. Оформление делало её делом.

- Кто она? - спросила Надя.

Морозов не поднял головы.

- Сейчас. Камера внешняя, городская. Не прямая выгрузка. Они прислали снимок с уже пережатым временем, но метка в углу осталась. Лиговский, переход у старого торгового блока, рядом с «Контур-М». Семь минут назад.

- Имя.

- Я не волшебник.

- Морозов.

- Я злой человек с планшетом, разница есть. По лицу через открытые базы быстро не обещаю. Но если она из «Контура», у них пропуски. Если у них пропуски, где-то у них есть журнал входа. Если журнал входа дышит наружу... - Он замолчал, пальцы ускорились. - Вот.

Вход сотрудника за сегодня. Женщина в светлой куртке, время выхода совпадает. Завьялова Нина Олеговна, тридцать два года, редактор процессуальных материалов.

Паша поднял глаза.

- Редактор?

- Не литературный, - сказал Морозов. - Хуже. Приведение экспертных и медицинских материалов к процессуальной форме. Они получают грязные куски, делают вид, что это текст. «Контур-М». Красивое место для людей, которые не принимают решений. Только помогают правильно написать.

Суханов резко выдохнул носом.

- Я просил без поэзии.

- Это не поэзия, это должностная инструкция, только честная.

Рита забрала телефон обратно и открыла вложение.

Файл загрузился медленно. Серый лист, таблица, поля, сухие строки. Никаких страшных картинок. Поэтому страшно стало сильнее.

- Слушайте, - сказала Рита.

Голос у неё стал рабочим. Не мягким, не спокойным. Рабочим. У Риты это означало: сейчас она положит на стол тело, даже если тела ещё нет.

- «Просим оценить корректность предварительной формулировки для случая, который будет передан в работу после наступления события». Дальше: «Женщина, тридцать два года, состояние после малоинвазивного вмешательства в области шеи, возможное осложнение, внезапное ухудшение состояния вне медицинской организации». И вот сладкая вишенка: «Рекомендуемая формулировка: острая дыхательная недостаточность в результате постпроцедурного осложнения. Внешнее воздействие не усматривается».

Она подняла глаза.

- Они не спрашивают, от чего она умрёт. Они спрашивают, как это лучше назвать.

Паша тихо выругался. Одним словом, почти беззвучно.

Надя смотрела на фотографию. Женщина у перехода стояла неподвижно, хотя вокруг все были в движении. Камера любила такие кадры: живой человек превращался в отметку, потому что выдержка чужого глаза была длиннее его жизни.

- Рита, что за пластырь?

- Не скажу по фотографии точно. Похоже на след после пункции или маленького вмешательства. Щитовидка, лимфоузел, мягкие ткани - вариантов хватает. Но формулировка уже под это подогнана. Удобная. Бытовая. Скучная. «После процедуры стало плохо». И никто не ищет того, кто сделал плохо удобным.

- То есть ей могут ничего не делать сейчас? - спросил Суханов.

- Могут просто дождаться. Могут подтолкнуть. Могут вызвать «своих». Могут дать таблетку, от которой потом всё спишется на осложнение. Могут вообще не трогать, если процедура уже сделана так, чтобы тело само стало алиби. Я не знаю. И это меня бесит сильнее всего.

- Время? - спросила Надя.

Морозов посмотрел на экран.

- Двадцать девять минут до их «оформления», если верить гадалке с ведомственным уклоном.

- Мы едем.

- Мы не едем так, как они ждут, - сказал Паша.

Надя повернулась к нему. На секунду между ними встало всё, что они только что узнали: его роль, Пашин мёртвый контур, «Лазарев П. И.» как функция, которую можно дернуть вместо человека. Он не отводил глаз. Не просил доверять. Не защищался. Просто стоял рядом и говорил то, что должен был сказать следователь, а не близкий человек.

- Говори, - сказала она.

- Они ждут, что ты сорвёшься к Лиговскому. После Громовой это логично. После письма Рите - ещё логичнее. Значит, ты туда не едешь первой.

Рита подняла руку.

- А кто едет? Я? Прекрасно. Я давно мечтала, чтобы мне прислали тело заранее, а потом предложили самой его забрать.

- Ты знаешь формулировку, - сказал Паша. - Ты увидишь, если они начнут подгонять человека под неё.

- Я и без тебя знаю, что я полезная женщина.

- Суханов оформит проверку угрозы и даст тебе основание. Я пойду с тобой. Морозов отсюда держит камеры и почту. Надя остаётся с материалами Марии и Ниной Завьяловой, если мы её достанем.

- Ты уже достал? - спросила Рита.

- Нет. Но если она редактор, она может быть не жертвой.

Надя уловила это раньше, чем мысль стала фразой.

- Она может быть автором.

Слово легло на стол тяжело. Даже вокзал за стеной будто на секунду стал тише.

Суханов посмотрел на Пашу. Потом на Надю.

- Значит так. Лазарев и Корнеева - к Лиговскому. Я с вами. Климова не остаётся одна. Морозов с ней и с бумагами. Дежурного я уже поднял, но объяснять им про «авторский доступ» не буду. Скажу проще: угроза жизни, возможное давление на свидетеля, медицинский риск. Этого хватит на первые полчаса.

- На вторые? - спросил Морозов.

- На вторые будем врать увереннее.

Рита сунула телефон в карман.

- Надя, если мы привезём тебе живого редактора, ты её сразу не убивай. Я хочу сначала спросить, как правильно оформить её совесть.

- Живой привезите, - сказала Надя.

Паша уже шёл к двери. У порога остановился, обернулся.

- Телефон оставь мне.

Надя посмотрела на свой аппарат на столе. Внутри что-то привычно напряглось, как мышца, которую давно били по одному месту.

- Зачем?

- Пусть думают, что ты едешь.

Морозов поднял голову.

- О, вот теперь мне нравится. Наконец-то кто-то предложил стать ложью добровольно.

- Ты сможешь показать движение?

- Если Паша увезёт телефон, а я оставлю часть активности здесь через резервную сессию, у них начнёт двоиться объект. Для живого наблюдателя это подозрительно. Для модели - праздник эпилептика.

- Делай, - сказала Надя.

Паша взял её телефон. На этот раз она отдала без паузы. Не потому что стало легче. Потому что один раз выбранный ход нужно было превращать в линию, иначе он оставался жестом для чужой таблицы.

Экран загорелся у него в руке.

Черновик 1.8.

Ожидаемый маршрут: Лиговский.

Вероятность: 91%.

Паша посмотрел на Надю.

- Хорошо.

- Что хорошего? - спросила Рита.
- Они ещё не поняли, что я повезу не её.

Он вышел. Суханов за ним. Рита задержалась на секунду, посмотрела на Надю без обычной колкости.

- Не слушай мать, пока нас нет.
 - Я не собиралась.
 - Ты много чего не собиралась в жизни. Оно как-то всё равно случалось.
- Дверь закрылась.

Морозов остался у стола, обложенный проводами, бумагами и чужой смертью. Надя стояла напротив него. В комнате транспортников пахло мокрой обувью, старым пластиком, тоном и чужим ночным кофе.

- Ну что, - сказал Морозов. - Пока наши изображают Климову на выезде, мы с тобой изображаем людей, которые не трогают запрещённый диктофон.

Надя посмотрела на маленькое устройство из ячейки. Чёрный корпус, затёртая кнопка, старая память внутри. Там была Мария. Или то, что кто-то решил дать ей под видом Марии.

- Мы смотрим бумаги, - сказала она.
- Удивительно зрелое решение. Я даже занервничал.

Она взяла первый лист. Не расшифровку. Поля.

Громова была права. На полях было честнее.

Один почерк помечал дыхание Марии короткими значками: пауза, сбой, повтор, ложная связка. Другой почерк писал поверх: «эмоциональный крючок пригоден». Третий отмечал: «для дочери усилить узнавание бытовой лексики». Четвёртый, почти машинный, выводил: «первое воспроизведение не должно содержать предупреждения».

Надя читала, и её злость становилась всё суше.

- Они не просто записывали, - сказала она. - Они выбирали порядок боли.
- Добро пожаловать в медиапроизводство ада, - ответил Морозов. - Тут у нас сценарий, монтаж, целевая аудитория, контроль удержания и смерть в качестве платной подписки.

Его планшет пискнул.

На карте Петербурга красная точка телефона Нади двигалась к Лиговскому. Вторая, маленькая серая, оставалась в комнате на вокзале. Морозов усмехнулся.

- Модель начала нервничать.

- Видишь?

- Она прислала запрос на уточнение состояния объекта. Очень вежливо. Прямо хочется ответить: объект занят, перезвоните после человеческого достоинства.

Надя взяла второй лист.

Внизу, под расплывшейся ксерокопией, была строка, которую раньше они не заметили. Почерк тонкий, женский, неровный.

Если дочь услышит это первой, всё потеряно.

Надя остановилась.

Морозов тоже перестал дышать над планшетом.

- Это Мария? - спросил он.

- Не знаю.

Она не стала касаться строки пальцем. Бумага была сухая, старая, с серым краем. Но у Нади было ощущение, что если провести по ней рукой, на коже останется не пыль, а чья-то попытка докричаться.

Планшет Морозова резко завибрировал.

- Лиговский, - сказал он.

Он вывел изображение с камеры на большой экран старого компьютера, стоявшего в комнате. Картинка была зернистой, чуть запаздывала. Дождь, переход, поток машин, люди под

капюшонами, рекламный щит с улыбающейся женщиной, которой кто-то обещал «правильную речь за десять занятий».

В кадре стояла Нина Завьялова. Светлая куртка. Телефон в руках. Пластырь на шее.

Слева в кадр вошли Паша и Рита. Рита двигалась так, будто собиралась не спасать человека, а отнимать его у вскрытия. Паша шёл чуть сбоку, не закрывая её, но держа линию к проезжей части. Суханова в кадре не было. Потом появился и он, из-под козырька остановки, тяжёлый, мокрый, с лицом человека, который уже решил, что сегодня правила будут страдать.

Нина увидела их не сразу. Сначала её телефон вспыхнул. Она прочитала что-то на экране и побледнела так резко, что это было видно даже через плохую камеру.

- Что ей пришло? - спросила Надя.

Морозов уже пытался залезть в сигнал.

- Не вижу. Но судя по лицу - не скидка на шаверму.

Нина подняла голову. Посмотрела прямо туда, где должен был быть переход. Потом шагнула назад.

Паша ускорился.

Нина развернулась и побежала.

Не к дому. Не к людному входу. К узкому проезду между зданием «Контур-М» и магазином связи, где свет был слабее, а камера - хуже.

- Дура, - сказала Надя.

- Не дура, - ответил Морозов. - Её гонят.

На экране из проезда вышел мужчина в тёмной куртке курьера. На спине - логотип доставки, слишком новый, слишком чистый. В руке термопакет. Он не бежал. Просто встал так, чтобы Нина увидела его и свернула ещё правее.

Рита тоже увидела.

Даже без звука было понятно, как она выругалась.

Она рванула наперерез.

Паша пошёл за мужчиной. Не кинулся, не сорвался. Быстро, но ровно. Суханов перекрыл выход к проезжей части.

Нина оказалась между ними, как слово между двумя редакторами.

Мужчина с термопакетом поднял руку, будто хотел показать, что у него ничего нет. Потом бросил пакет в сторону Нины.

Рита ударила его плечом раньше, чем пакет коснулся земли.

Картинка дёрнулась, потому что кто-то из прохожих встал между камерой и проездом. Несколько секунд были только зонты, спины, мокрый свет, нелепая суета обычного города. Потом изображение снова открылось.

Мужчина лежал у бордюра лицом вниз, Паша держал ему руку, Суханов говорил в телефон, а Рита стояла перед Ниной и что-то орала ей прямо в лицо.

Нина плакала.

Надя смотрела на экран и ничего не чувствовала. Чувства придут позже, если им дадут место. Сейчас была только линия: жива, задержан, пакет, телефон, пластырь, формулировка.

Планшет Морозова снова пискнул.

Черновик 1.8.

Отклонение: групповое.

Статус события: не завершено.

Резервная формулировка: активирована.

- Какая резервная? - спросила Надя.

Морозов не ответил. Он смотрел на другой экран.

Камера над проездом показала, как Нина вдруг перестала плакать и посмотрела мимо Риты. На её лице было не облегчение. Узнавание.

Она сказала что-то. Рита обернулась к Паше. Паша поднял глаза к камере, будто знал, что Надя смотрит.

Морозов увеличил звук с микрофона. Сквозь шум машин и дождя прорезался женский голос, сорванный, высокий.

- Я не жертва. Слышите? Я не жертва.

Рита ответила резко, почти вплотную:

- Да мне плевать, кем ты себя считаешь. Сейчас ты живая, и это уже конфликт интересов.

Нина мотнула головой.

- Вы не понимаете. Я писала.

Паша замер.

Надя почувствовала, как в комнате вокзала снова стало пусто.

Нина Завьялова сказала громче, уже не Рите, а всем сразу, камере, дождю, городу, невидимой Наде, которая не приехала по сценарию:

- Я писала вашу строку про Лазарева.

Морозов медленно снял очки.

- Ну вот, - сказал он. - Автор найден. Маленький, мокрый, с пластырем на шее.

На экране Нина закрыла лицо руками.

Телефон Нади, лежавший в Пашином кармане где-то на Лиговском, должен был сейчас светиться чужой радостью. Но на столе в комнате вокзала лежал другой предмет - старый диктофон. И рядом с ним лист с тонкой женской строкой на полях:

Если дочь услышит это первой, всё потеряно.

Надя впервые за вечер отвела глаза от камеры.

- Морозов, - сказала она. - Готовь защищённый контур.

- Для диктофона?

- Для Марии.

Он посмотрел на неё долго.

- Рита сказала не слушать, пока их нет.

- Я и не буду слушать.

- Тогда зачем?

Надя взяла лист с пометкой АВТ-0, сложила его пополам и положила рядом с диктофоном.

- Потому что если это не для меня, сначала это должен услышать кто-то другой.

Глава 5. Одна строка

Нину Завьялову привезли не в отдел и не в больницу. В отдел её было рано, в больницу - опасно, а безопасных мест, как выяснилось за последние месяцы, в Петербурге не существовало вовсе. Суханов выбрал старую комнату при дежурной части на Лиговском, где когда-то хранили списанные мониторы, коробки с кабелями, сломанный принтер и стул, который скрипел так, будто давал показания против всех, кто на него садился.

Комната пахла пылью, нагретым пластиком и мокрой тканью. За окном дрожал свет вывески, по стеклу ползли грязные капли. Нину посадили у стены, не пристёгивали, но Паша встал у двери так, что свобода сразу стала теоретической. Рита проверила пластырь на шее, пульс, зрачки, дыхание и ещё несколько вещей, которые называла тихо и зло, будто перечисляла претензии к миру.

- Жить будет, - сказала она. - Если перестанет изображать из себя расходный материал. Нина всхлипнула, но ничего не ответила.

Она была моложе, чем показалось на камере. Не девочка, нет. Тридцать два года, усталость под глазами, волосы собраны резинкой, ногти короткие, на одном пальце содран лак. Вблизи светлая куртка оказалась не белой, а серо-бежевой, дешёвой, с пятном у кармана. Таких женщин утром не замечают в очереди за кофе, днём - в офисном лифте, вечером - у перехода. Очень удобная внешность для человека, который годами пишет чужие формулировки и думает, что его никто не видит.

На столе перед ней лежали три вещи: её телефон, пропуск «Контур-М» и термопакет курьера. В пакете оказались не еда и не лекарство. Паша вытряхнул оттуда маленький пластиковый контейнер, одноразовый набор документов с чужой фамилией и распечатку вызова частной медицинской бригады.

Рита посмотрела на всё это и сказала:

- Они даже реквизит подготовили. Прямо домашний театр смерти. Билеты не брать, актёры умирают по-настоящему.

Суханов молчал. Он стоял у окна, плечи тяжёлые, лицо серое. По телефону он уже дал несколько распоряжений, закрыл часть наружных вопросов, послал кого-то за задержанным курьером и очень коротко объяснил дежурному, что тот сегодня не видел ничего интересного, если хочет завтра спокойно выйти на смену.

Надя вошла последней.

Нина подняла голову и сразу отвела глаза.

Вот это было хуже страха. Страх смотрит, потому что хочет понять, откуда ударят. Вина прячет лицо, потому что удар уже внутри.

Паша протянул Наде её телефон. Она взяла аппарат, не проверяя экран. Потом положила на стол рядом с пропуском Нины.

- Сначала я хочу понять одну вещь, - сказала Надя. - Вы писали строку про Лазарева как человек или как роль?

Нина сглотнула.

- Я не знала, что это приведёт...

- Не с этого.

Голос у Нади был ровный. Рита посмотрела на неё быстро, боковым зрением. Она знала этот тон. Им не кричат. Им открывают кожу там, где человек сам плохо зашил.

Нина сжала пальцы на коленях.

- Как редактор.

- Редактор чего?

- Материалов реакционного профиля.

Морозов фыркнул у стены, где уже разложил свой планшет и ноутбук Суханова, потому что чужая техника его бесила, но использовать приходилось.

- Реакционный профиль. Господи. Они даже рабство назвали так, чтобы его можно было вставить в презентацию.

- Тихо, - сказал Суханов.

- Я тихо ненавижу.

Надя не отвела глаз от Нины.

- Что вы сделали с Лазаревым?

Нина дёрнулась на фамилии, как на щелчке по нерву.

- Мне пришёл фрагмент. Не весь профиль. Только несоответствие. Там было указано, что после размыкания пары в старом контуре осталась неустойчивая роль. Нужно было либо архивировать, либо использовать как внешний стабилизатор, если объект... если вы... - Она сбилась. - Если Климова Н. А. начнёт отклоняться от прогнозной ветки.

Паша стоял у двери неподвижно.

- Вы восстановили меня как держателя?

- Не вас.

- Фамилия моя.

- Да, но...

- Значит, меня.

Нина закрыла рот. В этой простоте ей было негде спрятаться.

Надя чуть наклонилась к столу.

- Кто дал задачу?

- Внутренняя очередь.

- Имя.

- Там не бывает имени.

- Нина Олеговна, - сказал Суханов негромко. - Сейчас не тот вечер, когда стоит проверять, насколько мы верим в обезличенные очереди.

Она посмотрела на него, потом на Пашу, потом всё-таки на Надю.

- Задачи приходят по роли. Авторский уровень не подписывается человеком. Видно только код, участок и тип правки. Моя была... - Голос провалился. - Моя была маленькая.

Рита резко подняла голову.

- Маленькая?

Нина заплакала беззвучно. Слезы текли по лицу, но она не всхлипывала, только говорила, будто если остановится, её добьют уже не они.

- Одна строка. «Лазарев П. И. сохраняется как допустимый внешний держатель реакции объекта». Я не открывала полный файл. Я не знала, что это прямо по человеку. Мне сказали, что это страховочный контур, чтобы объект не навредил себе и другим при контакте с травматическим материалом.

Паша усмехнулся. Очень тихо.

- Благородно.

- Я правда думала...

- Вы думали, что меня можно оставить кнопкой на случай, если Надя поведёт себя не по инструкции.

Нина посмотрела на него впервые прямо.

- Да.

Паша кивнул.

- Спасибо. Так честнее.

Надя почувствовала, как внутри поднимается холодная рабочая жестокость. Она могла сейчас дать Нине передышку, воду, паузу, врачебное «сядьте удобнее». Могла. Но передышки иногда становятся подарком не человеку, а версии, которую человек успевает собрать заново.

- А меня вы как называли у себя? - спросила Надя. - Объект? Материал? Реакционный профиль? Женщина с матерью в приложении?

Нина побледнела ещё сильнее.

- Я не...

- Называли.

- Объект Н. К.

- Удобно.

- Я не знала вас.

- Это всегда помогает.

Паша сдвинулся у двери. Не вперёд, не к ней. Просто изменил вес, и Надя поняла, что он слышит её тон. Не осуждает. Не останавливает. Запоминает. Это было хуже, чем если бы он вмешался.

Суханов положил на стол лист с кодом АВТ-0.

- Что это?

Нина посмотрела и застыла.

- Где вы это взяли?

- В ячейке.

- Кто дал код?

- Громова.

Нина закрыла глаза.

- Значит, она всё-таки успела.

- Что успела?

- Вынести поля.

Морозов наклонился вперёд.

- Бумаги Марии?

- Не только. Поля важнее. В основном тексте всё уже чистое. Порядок, фразы, расшифровка, подписи. А на полях осталась работа до чистки. Кто что передвигал. Что считали «крючком». Что убирали из первого воспроизведения.

- Кто чистил? - спросила Надя.

Нина покачала головой.

- Разные. Это старый материал. Ещё до меня. Я пришла позже.

- Позже, но строку про Лазарева написали вы.

- Да.

Надя не отступила.

- И смерть себе написали тоже вы?

Нина резко открыла глаза.

- Нет.

- Тогда почему вы у перехода?

- Мне пришло уведомление. Не в систему. В личный телефон. «Материал Громова изъят. Очистить хвост. Выйти через Лиговский. Медицинская консультация закрыта». Я поняла, что хвост - это я.

- И пошли?

- Если бы я не вышла, они бы пришли домой.

- Кто дома?

Нина замолчала.

Надя увидела, как у неё меняется лицо. До этого была вина. Теперь появился животный страх, самый простой, человеческий.

- Кто дома? - повторила Надя.

- Мама.

Рита тихо выругалась.

- Лежачая?

Нина кивнула.

- После инсульта. Я... я держала работу из-за неё. Центр помог с реабилитацией, с очередью, с врачом. Потом сказали, что я понимаю тексты, что мне можно доверять закрытые материалы. Это не выглядело преступлением. Это выглядело как грязная, но нужная работа. Все вокруг так говорили.

- Все вокруг много чего говорят, - сказал Суханов. - Особенно когда платят.

Нина вцепилась пальцами в край стула.

- Я не убийца.

Рита шагнула к ней так резко, что Паша чуть повернул голову.

- А кем надо быть, чтобы у тебя в почте лежала чужая смерть до смерти? Плохим человеком? Отличником? Исполнителем маленькой строки?

- Я не знала про письмо вам!

- А про Лазарева знала. Про Климову знала. Про Марию знала. Про то, что голос мёртвой женщины расставляют по порядку для живой дочери, знала?

Нина молчала.

Рита усмехнулась, но в этом не было веселья.

- Вот. Значит, место для совести у нас всё-таки было. Просто маленькое, как ваша строка.

Суханов поднял руку.

- Хватит.

- Нет, не хватит, - сказала Надя.

Она говорила спокойно. От этого Суханов посмотрел на неё внимательнее.

- Нина Олеговна, сейчас у вас есть один способ не стать трупом с правильной формулировкой. Вы даёте нам вход. Не рассказ. Не «я не знала». Вход. Куда уходит авторская очередь? Где лежит полный профиль? Кто может активировать резервную формулировку?

- Я не могу.

Надя наклонилась ближе.

- Можете. Вы просто ещё надеетесь, что система, которая уже прислала вам смерть, оставила вам правила.

Нина заплакала сильнее.

- Там не один вход.

- Это мы уже знаем.

- «Север-3» - не база. Это режим согласования. Он поднимается в местах, где есть три условия: закрытый материал, процессуальная форма и живой реакционный объект. «Контур-М» даёт форму. Медики дают тело и голос. Архив даёт прошлое. Судебный контур даёт последствия. Авторский доступ позволяет менять порядок, пока событие ещё не стало событием.

Морозов медленно произнёс:

- Они не хранят будущее. Они хранят варианты оформления.

Нина кивнула.

- Да. Черновики. Большинство не реализуется. Просто остаётся как прогноз, справка, риск. Но иногда... иногда черновик становится маршрутом.

- Кто решает, когда? - спросил Паша.

- Я не знаю.

Суханов придвинулся к столу.

- Нина.

- Я не знаю имя! Правда. Есть корневой код. АВТ-0. Но это не человек. Это право утверждения порядка. Как печать. Как... как уровень.

- Уровень у кого-то включается, - сказал Морозов. - Печать кто-то держит.

- Она распределённая.

Рита рассмеялась коротко.

- Убийца на коллективной ставке. Современно.

Нина вытерла лицо рукавом.

- Вы не понимаете. Там люди не думают, что убивают. Один пишет медицинскую формулировку. Один правит цифровой след. Один переставляет фрагменты записи. Один оставляет роль Лазарева. Один отправляет письмо эксперту. Один подаёт машину. Каждый делает мало. Поэтому никто не чувствует крови.

Надя смотрела на неё и впервые за вечер почувствовала не злость, а почти физическое отвращение. Не к Нине одной. К этому «мало». К маленькому удобному объёму вины, который можно было носить в кармане и не замечать веса.

- А вы почувствовали? - спросила она.

Нина вскинула глаза.

- Что?

- Кровь.

Та ничего не ответила.

Ответом было то, что она сидела здесь, мокрая, живая, с пластырем на шее, и тряслась не только от страха смерти. Иногда совесть приходит поздно и сразу требует охрану.

Морозов повернул ноутбук.

- Нам нужен её пропуск и живая сессия. Если она правда редактор, у неё может быть доступ к очереди правок, но не к корневому утверждению. Через неё мы увидим не автора, а руку автора. Это лучше, чем смотреть на стену и орать.

- Пропуск у вас, - сказала Нина.

- Пропуск - пластик. Нужен второй фактор.

Она посмотрела на свой телефон.

- Если я войду, они увидят.

- Они и так видят, - сказал Паша. - Вопрос, что именно.

Надя повернулась к Морозову.

- Можно сделать так, чтобы вход выглядел не как наш?

- Можно сделать так, чтобы он выглядел как панический возврат Нины к рабочему месту после сбоя события. Система это любит. Люди после страха бегут чинить то, что сами сломали.

Нина закрыла лицо руками.

- Я не вернусь туда.

Надя сказала:

- Вернётесь.

Паша посмотрел на неё. На этот раз уже прямо.

- Надя.

- Что?

- Она не приманка на поводке.

- Нет. Она участник.

- И свидетель.

- И человек, который написал тебя как функцию.

Паша замолчал. Удар попал. Надя поняла это сразу и почти сразу пожалела, но жалость была лишней роскошью в комнате, где смерть присылали на согласование.

Паша медленно кивнул.

- Да. Написала. Поэтому она пойдёт не потому, что ты давишь. Она пойдёт потому, что сейчас это единственный способ зафиксировать её не как хвост, а как свидетеля. Слышишь разницу?

Суханов смотрел на них обоих и молчал. Рита тоже молчала. Морозов, кажется, впервые за вечер не нашёл плохой шутки.

Надя отвела глаза первой.

- Слышу.

Она повернулась к Нине.

- Вы пойдёте с нами. Не впереди. Не одна. Не геройствовать. Вы открываете нам сессию, показываете очередь и сразу отходите. Если начнёте играть, я отдам вас не им. Я отдам вас Рите, и она будет очень законно проверять у вас жизненные показатели каждые тридцать секунд.

Рита кивнула.

- Могу каждые двадцать. Я сегодня добрая.

Нина вытерла лицо.

- Маму...

Суханов уже набирал номер.

- Адрес.

Она назвала.

- Туда поедут люди. Не мои лучшие, потому что лучшие сейчас заняты этой помойкой, но достаточно живые. Если кто-то появится рядом с квартирой, его день ухудшится.

Нина закрыла глаза.

- Спасибо.

- Не благодарите. Это не про вас.

Через семь минут они вышли из комнаты.

«Контур-М» занимал третий этаж здания возле Лиговского, где на первом продавали телефоны, на втором лечили спины, а на четвёртом висела вывеска юридической компании с латинскими буквами, которые должны были означать надёжность. Лифт пах влажной резиной и чужим парфюмом. Камера в углу смотрела слишком открыто, будто ей нечего было скрывать.

Нина стояла между Ритой и Пашей. Надя шла чуть позади, Суханов - последним. Морозов остался в машине под окнами, потому что сказал, что если он войдёт в этот офис физически, техника обидится и начнёт вести себя прилично. На самом деле ему нужна была внешняя позиция, связь с камерами и возможность врать системам сразу с трёх сторон.

Телефон Нади был снова у Паши. На нём продолжала жить их ложная Климова, которая будто бы двигалась вместе с ним, задерживалась, возвращалась, сомневалась. Морозов назвал это «цифровая дурочка на поводке». Рита сказала, что так когда-нибудь назовут её биографию.

Дверь «Контур-М» открылась по пропуску Нины с тихим, почти вежливым шелчком.

Внутри не было подвала, крови, криков и шкафов с человеческими лицами. Был обычный офис. Серый ковролин. Белые стены. Стекланные перегородки. Растение в кадке, уставшее от жизни сильнее половины отдела. Кухонный угол с кофемашиной. На стене - мотивационный плакат: «Точная форма защищает смысл».

Рита остановилась перед плакатом.

- Я сейчас блевану смыслом.

- Потом, - сказал Суханов.

Нина провела их к дальнему кабинету. Руки у неё тряслись так сильно, что она дважды не попала пальцем в сканер.

- Спокойнее, - сказал Паша.

- Я не могу.

- Можете. Вы уже написали одну строку. Теперь напишете вторую, нормальную.

Она посмотрела на него, и в этом взгляде было столько стыда, что Надя на секунду почувствовала: Паша сказал точнее, чем она смогла бы давлением.

Сканер принял палец.

Они вошли.

Кабинет оказался маленьким. Два рабочих места, шкаф с папками, принтер, старый сетевой накопитель на полке, белая доска с маркерами и списком задач на неделю. В списке были скучные слова: «сверить», «уточнить», «переоформить», «закрыть хвосты». Ни одно не выглядело как убийство.

Нина села за компьютер.

- Не трогайте ничего лишнего, - сказал Морозов в наушнике. - Я вижу сеть. Она мерзкая, но пока живая.

Рита наклонилась к микрофону у Паши.

- Передай сети, что я её презираю.

- Она ответила взаимностью, - сказал Морозов.

Нина вошла в систему. На экране появилась внутренняя панель. Никакой жути. Разделы, номера задач, статусы.

Ожидает правки.

На согласовании.

Возвращено.

Архив.

Реакционные материалы.

Надя увидела последнюю вкладку и почувствовала, как весь офис отодвинулся куда-то далеко.

- Открывайте, - сказала она.

Нина открыла.

В списке было много строк. Больше, чем должно было быть в мире, где людей ещё считали живыми.

Реакционный материал: Климова Н. А.

Статус: активен.

Версия: 1.8.

Отклонение: коллективное.

Рядом другие фамилии. Часть знакомых. Часть нет. Некоторые строки были погашены серым. Некоторые горели жёлтым. У двух стояла красная метка: «событие в работе».

Паша наклонился ближе.

- Сколько их?

Нина не ответила.

Морозов ответил в наушнике:

- Много. Слишком много для плохой версии. И достаточно для хорошей карьеры.

Надя смотрела на свою строку. Климова Н. А. Активна. Версия 1.8.

- Откройте мой материал.

Нина нажала.

Система запросила подтверждение. Она приложила палец. Потом ввела короткий код. На экране открылось дерево документов: «входные триггеры», «история наблюдения», «контакты», «голосовые материалы», «медицинские связи», «якорные роли», «авторские правки».

Надя не стала смотреть на Пашу. Не сейчас.

- Авторские правки, - сказала она.

Нина открыла раздел.

В списке было несколько строк. Большинство закрыты. Одна свежая, с временем сегодняшнего вечера.

Лазарев П. И.

Роль: внешний держатель реакции.

Изменение: сохранить.

Редактор: Завьялова Н. О.

Уровень утверждения: АВТ-0.

Паша прочитал молча. Его лицо не изменилось, и от этого строка стала ещё грязнее.

Ниже была следующая правка.

Климова М. С. Голосовой материал.

Порядок воспроизведения: изменить.

Первый фрагмент: обращение к дочери.

Предупреждение: перенести.

Редактор: Громова Е. С.

Уровень утверждения: АВТ-0.

Рита прошептала:

- Громова не только копию сохранила.

- Она переставляла, - сказала Надя.

Нина быстро сказала:

- Её заставили. Она потом пыталась вернуть порядок. Поэтому и вынесла поля.

- А вы?

Нина не ответила.

Морозов сказал в наушнике:

- У нас гость.

Суханов поднял голову.

- Где?

- В системе. Кто-то открыл этот же материал с корневого уровня. Не из офиса. Не с их сети. Резервное зеркало.

На экране строка Климовой мигнула.

Новый статус:

Реакционный материал: Климова Н. А.

Стадия: допуск к голосу.

Ожидаемое действие: самостоятельное прослушивание.

Надя сказала:

- Закрывайте.

Нина нажала, но окно не закрылось.

Вместо этого открылся файл.

Полная Мария.

Фрагмент 0.

Назначение: не для объекта.

Кнопка воспроизведения появилась сама, чёрная, маленькая, почти невинная.

Надя отступила на шаг.

В кабинете стало очень тихо. За стеной где-то щёлкнула кофемашина. По офису прошёл звук капающей воды - может, с чьей-то мокрой куртки, может, из трубы. Нина сидела перед монитором с белым лицом. Паша смотрел на кнопку, Суханов - на Надю, Рита - на всех сразу.

Морозов в наушнике сказал уже без сарказма:

- Не жмите. Я не успел снять изоляцию.

Но кнопка не ждала.

Секунда.

Вторая.

Потом динамики компьютера сами щёлкнули.

И в комнате прозвучал голос Марии Климовой.

Не старый. Не далёкий. Не архивный.

Живой настолько, что Надя перестала видеть экран.

- Если это слушает моя дочь, - сказала Мария, и каждое слово вошло в воздух отдельно, как шаг по стеклу, - остановите запись. Это не для неё.

Глава 6. Не для неё

Надя не двинулась.

Первые секунды тело не понимало, что ему приказали. Голос Марии был рядом, слишком рядом. Не в памяти, не во сне, не в старом телефонном обрывке, который можно было проклясть за плохое качество и закрыть. Он стоял в кабинете «Контура-М» между серым ковролином и плакатом про точную форму, живой, сухой, немного сорванный, с тем самым низким краем, который Надя помнила не ушами даже, а кожей.

Если это слушает моя дочь - остановите запись.

Это не для неё.

Паша сделал шаг к компьютеру.

Надя резко сказала:

- Нет.

Он остановился.

Не потому что подчинился. Потому что услышал в её голосе не желание слушать, а последнюю попытку не развалиться на чужом полу.

Запись продолжалась. Мария дышала тяжело, но ровно. Где-то рядом с микрофоном шуршала ткань, кто-то, возможно, ставил чашку или двигал листы. Потом голос сказал:

- Если вы следователь, эксперт, врач, конвойный, архивный человек или просто тот, кому однажды дадут это как материал, слушайте не меня. Сначала смотрите порядок. Кто поставил мой голос первым, тот уже соврал.

Суханов медленно закрыл глаза.

Слово «конвойный» вошло в него, как старый крючок. Он не сказал ничего, только положил ладонь на спинку стула Нины, и дерево жалобно скрипнуло.

Надя смотрела на Пашу. Не на экран. Если смотреть на экран, можно было сорваться к кнопке, к голосу, к матери, к слову «дочь», которое в её жизни всегда было не именем, а местом удара.

Паша понял. Он снял наушник, положил на стол и тихо сказал:

- Надя. Выйди.

Рита резко посмотрела на него.

- Ты охренел?

- Да, - сказал Паша. - Но она должна выйти.

Надя почти усмехнулась. Почти.

Вот оно. Не спасение. Не рычаг. Не «я тебя держу». Простое, жестокое, правильное действие человека, который услышал фразу и принял её всерьёз. Если запись не для неё, значит, она не обязана доказывать системе, что выдержит.

Надя повернулась и вышла из кабинета.

Никто не успел остановить. Никто не сказал «стой». Даже Суханов.

В коридоре было холоднее. Или так показалось после голоса. Белая стена, серый ковролин, табличка «переговорная 3», корзина для зонтов, в которой торчали два чужих мокрых купола. Обычный офисный коридор, построенный для того, чтобы люди носили документы, пили кофе, не думали о смерти и могли в любой момент сказать: я только выполнял задачу.

Надя дошла до плаката у кухни.

Точная форма защищает смысл.

Она посмотрела на эту фразу и впервые за долгое время захотела не закурить, не выпить, не ударить, не позвонить. Захотела просто содрать плакат со стены и посмотреть, останется ли под ним чистое пятно.

Из кабинета голос Марии доносился приглушённо. Слов было не разобрать. И это спасало.

Внутри слушали другие.

Паша стоял у стола, не садясь. Он решил, что будет слушать как следователь. Через полминуты понял, что это невозможно. Мария говорила слишком живо, чтобы быть материалом, и слишком точно, чтобы быть просто матерью.

- ...меня будут давать как крючок, - сказала она. - Скажут, что дочь должна услышать. Не верьте. Дочери дают не меня. Дочери дают порядок, в котором ей больнее. Это разные вещи.

Рита стояла у стены, руки скрещены на груди. Её лицо стало закрытым, медицинским, почти злым. Морозов слушал через удалённый канал и молчал так долго, что даже его молчание казалось чужим.

Нина Завьялова плакала снова, но теперь тихо и без права на жалость. Перед ней на экране шёл индикатор воспроизведения. Файл был длиннее, чем казался. Рядом открывались автоматические метки: пауза, сбой дыхания, эмоциональный маркер, пригодность к воспроизведению.

Паша увидел это и сказал:

- Уберите метки.

Нина дёрнулась.

- Я не могу, это системный слой.

- Тогда закройте экран.

- Если закрыть...

Паша наклонился к ней.

- Закройте. Экран.

Она закрыла ноутбук почти до конца, оставив звук. Мария продолжала говорить в узкой щели света.

- Надя будет верить грязи, - сказала Мария. - Так её сделают. Не потому, что она плохая. Потому что чистому она не поверит после меня. Это можно будет использовать. Ей будут приносить мёртвых, потерянных, списанных, и она пойдёт, потому что не умеет иначе. Не верьте ей сразу. Сначала проверьте, кто написал ей роль.

Суханов открыл глаза.

Рита тихо сказала:

- Сука.

Не про Марию. Про тех, кто взял эту фразу и сделал из неё инструмент.

Паша стоял неподвижно. Внутри у него что-то сдвинулось, но не в сторону ревности, не в сторону жалости, не в сторону той мужской глупости, которая любит быть нужной там, где человеку больно. Он вдруг очень ясно понял, почему Надя годами жила так, будто любая близость - это дверь без замка. Она не была холодной. Она была помещением, в которое слишком часто входили с чужими ключами.

Мария закашлялась. Где-то рядом чужой голос сказал неразборчиво: «Хватит». Мария ответила уже тише:

- Нет. Пусть будет. Если это потом порежут, смотрите поля. На полях останется то, что они не успеют спрятать. Громова, если вы это слышите... не ставьте мой голос первым. Нина, если вы будете править... - Пауза стала длинной. - Не пишите людей строками. Строки потом ищут тела.

Нина закрыла рот ладонью.

Рита посмотрела на неё так, что та почти съёжилась.

- Вам привет, - сказала Рита.

Запись щёлкнула. На секунду показалось, что закончилась. Но потом Мария сказала другое. Голос изменился. Не интонация - плотность. Словно она собирала последние силы не для боли, а для точности.

- АВТ-0 не человек. Не ищите одну фамилию. Это место, где все отдают по маленькой строке и получают большое молчание. Кто-то скажет: я только врач. Кто-то скажет: я только редактор. Кто-то скажет: я только подписал. Кто-то скажет: я только вёз. Так пишут смерть без убийцы. Если вы хотите остановить это, ищите не автора. Ищите право писать без подписи.

Паша почувствовал, как Суханов рядом медленно сел. Просто сел на скрипучий стул, тяжело, как старый человек, хотя старым он не был. Или был, но не возрастом.

- Игорь Михайлович, - сказал Паша.

Суханов поднял руку.

- Слушай.

Мария говорила дальше:

- Если рядом с дочерью будет человек, которого они назовут якорем, не верьте этому слову. Якорь держит корабль, но может и утопить. Человек не должен быть функцией чужого спасения. Если он согласится быть функцией, они войдут через него. Если она оттолкнёт его из страха, они войдут через её одиночество. Третье придётся придумать самим.

Паша не сразу понял, что сжал край стола. Пальцы побелели.

Рита посмотрела на него, потом отвела глаза. Для неё это было почти нежностью.

За дверью в коридоре Надя слышала только глухие провалы голоса. Она стояла у плаката, не касаясь стены. В руке у неё был телефон. Экран погас. Она включила его, увидела новое уведомление и не открыла.

Черновик 1.9.

Ожидаемая реакция: возврат к прослушиванию.

Вероятность: 76%.

Надя смотрела на строку, пока цифры не перестали быть цифрами.

Потом ниже появилась новая.

Отклонение: задержка.

Перевод давления: Лазарев П. И.

Она резко подняла голову.

В кабинете запись продолжалась.

- ...и если запись всё-таки включили при ней, остановите не запись, - говорила Мария.
- Остановите тех, кто будет смотреть, как она слушает. Им нужна не моя правда. Им нужна её реакция.

В этот момент у Паши зазвонил телефон.

Не аппарат Нади. Его собственный.

Звонок был обычный, с тем стандартным сухим сигналом, который он никогда не менял. На экране высветился служебный номер. Паша посмотрел на Суханова. Тот кивнул.

Паша включил громкую связь.

- Лазарев.

Голос на том конце был незнакомый, ровный, аккуратный.

- Павел Игоревич, управление собственной безопасности. Вам необходимо прибыть для дачи объяснений по факту несанкционированного доступа к материалам ограниченного контура и возможного использования служебного положения в интересах Климовой Надежды Александровны.

Рита медленно улыбнулась. Очень нехорошо.

- Быстрые какие.

Голос продолжал:

- Также просим обеспечить явку Климовой Н. А. в качестве лица, чьи действия могли спровоцировать нарушение режима хранения...

Паша перебил:

- Основание вызова направьте официально.

- Павел Игоревич, ситуация требует немедленного...

- Официально, - повторил Паша. - На моё имя. С указанием, в каком качестве меня вызывают: свидетеля, проверяемого лица или функции внешнего держателя реакции объекта.

На другом конце впервые возникла пауза.

Суханов поднял глаза. В них мелькнуло что-то вроде мрачного одобрения.

- Простите? - сказал голос.

- Вы слышали.

- Я передам формулировку.

- Передайте точно. Я очень нервничаю, когда меня плохо цитируют.

Он отключил звонок.

Рита выдохнула.

- Лазарев, я сейчас почти прослезилась. Канцелярский каминг-аут рычага.

- Не надо.

- Не буду. У меня слёз нет, только ядовитая жидкость.

Надя вошла в кабинет сразу после звонка. Она не слышала всего, но видела лица. Этого хватило.

- Что?

Паша посмотрел на неё.

- Меня вызывают. Пытаются оформить как нарушение вокруг тебя.

- Я видела уведомление.

- Какое?

Она показала телефон.

Перевод давления: Лазарев П. И.

Суханов встал.

- Значит, они поняли, что через мать не вышло.

- Не вышло? - спросила Надя.

Паша не ответил сразу. Он смотрел на неё, и в этом взгляде не было ни жалости, ни просьбы. Только тяжёлая бережность, от которой защищаться сложнее, чем от грубости.

- Ты вышла, - сказал он. - Этого они не ждали.

Надя перевела взгляд на закрытый почти до конца ноутбук.

- Что сказала Мария?

В комнате стало слишком тихо.

Рита первой нарушила молчание.

- Много плохого. И ни одной удобной вещи.

- Мне нужно знать.

- Узнаешь, - сказал Суханов. - Но не так, как они хотят.

Надя посмотрела на него. В другой день она бы спорила. Сейчас спор уже был предусмотрен, посчитан, вписан в ветку. Надя вдруг почувствовала усталость не телом, а характером: как будто даже её привычка биться за право знать была давно снята, размечена и вложена в чужой интерфейс.

- Хорошо, - сказала она.

Это слово оказалось труднее, чем крик.

Морозов в наушнике вдруг ожил:

- У нас проблема похуже эмоциональной зрелости. Пока вы слушали, я снял часть системного слоя с файла. Там две дорожки.

- Две записи? - спросил Паша.

- Нет. Одна настоящая. Вторая - сборка. Синтетическая. Очень хорошая. На базе той же Марии. И угадайте, какую имели включить первой для Нади?

Надя почувствовала, как воздух снова стал плотным.

- Синтетическую, - сказала она.

- Да. Фрагмент ноль, который прозвучал сам, похоже, настоящий. Или ближе к настоящему, чем остальное. Но «обращение к дочери», которое они хотели поставить первым, собрано. Не полностью, кусками, с живыми вставками. Там будет её голос. Её дыхание. Её бытовые слова. И ложный порядок.

Рита закрыла глаза.

- То есть теперь даже мёртвая мать может говорить фейком.

- Не фейком, - сказал Морозов зло. - Это хуже. Фейк легко презирать. Тут настоящие куски. Их просто заставили служить другой фразе.

Нина тихо сказала:

- Я видела такую пометку. «Эмоциональная достоверность выше фактической». Я не понимала...

Рита повернулась к ней.

- Не заканчивай. Не надо нам ещё одного музея непонимания.

На экране компьютера, несмотря на почти закрытую крышку, что-то мигнуло. Нина осторожно приподняла её.

Появилось новое окно.

Реакционный материал: Климова Н. А.

Стадия: голос.

Результат: сорвано.

Ниже:

Перенос авторского воздействия.

Новый объект давления: Лазарев П. И.

Способ: процессуальная изоляция.

Паша прочёл вслух, спокойно:

- Процессуальная изоляция.

Суханов посмотрел на дверь.

- Они хотят выдернуть тебя из команды.

- Да.

- И сделать это официально.

- Да.

Надя сказала:

- Не пойдёшь.

Паша повернулся к ней.

- Пойду.

- Паша.

- Если я не пойду, они оформят уклонение и конфликт интересов. Если пойду один, меня закроют в их комнате и напишут сколько угодно. Значит, я пойду не один и не как твой контакт. Как следователь, который сам заявляет о попытке незаконного использования его процессуальной роли.

Морозов тихо присвистнул в наушнике.

- Мне нравится. Бюрократическое айкидо. Мерзко, но красиво.

- Суханов? - спросил Паша.

Суханов кивнул.

- Я оформлю. Жёстко. С копиями. Чтобы они подавились каждым словом.

Надя молчала.

Она понимала, что он прав. Это раздражало больше всего. Система ждала, что она скажет «нет», что она потянет его обратно, что сделает из него своего человека вместо отдельного участника. Или наоборот - холодно отрежет, чтобы не дать использовать. Оба движения были уже написаны. Паша предложил третье.

Мария сказала: третье придётся придумать самим.

Надя не слышала эту фразу. Но, кажется, всё равно поняла.

- Хорошо, - сказала она второй раз за вечер.

Паша посмотрел на неё чуть дольше, чем требовалось.

- Спасибо.

- Не благодари. Меня от этого тошнит.

Рита коротко фыркнула.

- Вот. Нормальная Климова вернулась. А то я уже испугалась, что нас всех сейчас обнимут и запишут в кружок травмированных долбоёбов.

Морозов сказал:

- А я бы вступил. У меня есть взнос в виде флешки с незаконным системным слоем.

Надя подошла к столу и посмотрела на Нину.

- Вы пойдёте с нами.

Нина вскинула глаза.

- Куда?

- Давать объяснения. Официально. По своей строке.

- Меня там...

- Да, - сказала Надя. - Попробуют. Поэтому пойдёте сейчас, пока они ещё не успели переписать вас обратно в осложнение после процедуры.

Нина опустила голову.

- Я боюсь.

- Правильно, - сказала Рита. - Страх - редкое разумное чувство. Пользуйтесь, пока есть.

Суханов уже диктовал кому-то по телефону формулировку. Сухо, тяжело, с каждым словом как с гвоздём:

- ...заявление о выявлении признаков незаконного использования процессуальной роли сотрудника Лазарева П. И. в материалах ограниченного доступа. Да, так и пишите. Нет, не спрашивайте, что это значит. Потом вместе охуеем.

Надя взяла со стола листы Марии. Тот самый, где тонким почерком было написано: если дочь услышит это первой, всё потеряно. Она сложила его отдельно, в прозрачный файл.

На экране компьютера мигнуло ещё одно уведомление. Уже не системное окно. Не документ. Короткая строка на чёрном фоне.

Соавтор: отказался.

Под строкой было имя.

Лазарев П. И.

Паша прочитал и усмехнулся.

- С этого и начнём объяснения.

Надя посмотрела на него. Впервые за вечер внутри не стало легче, но стало яснее. Иногда ясность была единственной формой надежды, которую можно было позволить себе без вреда для дела.

Компьютер снова мигнул.

Строка «соавтор: отказался» исчезла.

На её месте появилась другая.

Отказ принят.

Компенсационный сценарий запущен.

За стеной офиса щёлкнул замок входной двери.
Не громко. Почти вежливо.
Потом в коридоре погас свет.

Глава 7. Отказ от роли

Пашу посадили в комнату без номера.

В коридоре номер был. Над дверью висела серая пластина с вытертыми цифрами, на стене справа - план эвакуации, напечатанный так мелко, будто спастись имели право только люди с хорошим зрением и чистой совестью. Но внутри номера уже не было. Только стол, три стула, камера под потолком и лампа, которая не светила, а проверяла. Мокрая куртка Паши висела на спинке стула напротив, и с неё тихо капало на линолеум. Капли собирались в маленькую тёмную точку, похожую на неаккуратную печать.

- Павел Игоревич, вы не задержаны, - сказал мужчина в синем костюме.

Он сказал это уже третий раз. Вероятно, ему нравилась формулировка. Она была из тех формулировок, которые позволяют закрыть дверь снаружи и при этом не чувствовать себя человеком, закрывшим дверь.

Паша посмотрел на него. На папку. На второй стул, который оставили пустым. На камеру. На след от кружки на столешнице.

- Значит, я могу выйти.

- После оформления.

- Чего.

Мужчина в синем костюме чуть улыбнулся. Не снисходительно даже, а служебно. Как улыбаются люди, которым заранее дали норму реакции.

- Уточнения процессуального статуса.

- У меня был статус.

- Он изменился.

- Пока я ехал в машине?

- Пока были получены новые сведения.

Паша кивнул. На стол положили лист. Обычный лист, белый, с серой полосой копира, с неровным верхним краем, будто его выдернули из пачки в спешке. Вверху стояла шапка. Ниже - его фамилия. Ещё ниже - слова, которые не сразу стали словами. Сначала они были пятнами, потом строками, потом чужой рукой, вошедшей в его горло.

"Лазарев П. И. предупреждён о необходимости временного самоотвода от участия в проверочных мероприятиях, связанных с Климовой Н. А., в связи с потенциальным конфликтом интересов и возможностью эмоционального влияния на ход оценки".

Паша дочитал до конца. Подписи не было. Места для подписи было два. Одно - для него. Второе - для лица, принявшего отказ.

- Я не заявлял самоотвод.

- Вам его предлагают.

- На листе написано, что я предупреждён.

- Мы вас предупреждаем.

- Сначала написали, потом предупреждаете.

Мужчина в синем костюме перестал улыбаться. У него было узкое лицо с хорошей кожей, не следовательское лицо. Слишком ровное для людей, которые долго сидят с чужими истериками и чужой кровью. Такие лица жили в кабинетах, где преступление уже превращено в документ, где у него нет запаха, только входящий номер.

- Не цепляйтесь к порядку слов.

- Я следователь. Мне за это деньги платят.

- В данный момент вы участник проверки.

- В данный момент вы пытаетесь оформить то, чего не было.

- В данный момент, Павел Игоревич, вы должны понимать, что ваши действия могут повредить Климовой.

Он сказал это мягко.

Паша почти услышал, как щёлкнул крючок.

Надя. Климова. Повредить. Рядом. Якорь. Не якорь. Держатель. Контакт. Всё то, что последние месяцы пытались вписать в него, как в анкету. Сначала грубо. Потом умнее. Теперь почти заботливо.

Он отодвинул лист двумя пальцами.

- Уберите её из предложения.

- Простите?

- Вы сказали, что мои действия могут повредить Климовой. Не надо ею меня подписывать.

- Это не подпись. Это реальность.

- Нет. Это ваш способ.

Мужчина посмотрел на камеру, хотя смотреть туда было не нужно. Камера всё равно смотрела на них обоих.

- Павел Игоревич, нам не нужен конфликт. Нам нужно зафиксировать вашу позицию.

- Моя позиция простая. Я не давал авторскую правку. Я не подтверждал запись в системе. Я не признаю себя источником изменений по Климовой Н. А. Я не заявляю самоотвод. Я требую приобщить мои слова к материалам проверки дословно.

- Дословно?

- Да.

- Вы понимаете, что звучит это странно?

- На фоне всего остального почти празднично.

Мужчина взял ручку. Не свою, казённую, с прозрачным корпусом и синим стержнем. Постучал ею по столу. Паша следил за этим звуком. Стук был ровный, чуть раздражённый. Человеческий. Значит, перед ним сидел не контур. Человек. Просто человек, которому удобнее быть шестерёнкой и называть это процедурой.

- Хорошо, - сказал он. - Тогда так и запишем. От ознакомления с предложенным статусом отказался. Содержание устного заявления носит эмоциональный характер, к сути проверки отношения не имеет.

Паша медленно поднял глаза.

- Вы сейчас при мне пишете ложь.

- Я сейчас оформляю вашу реакцию.

Вот оно.

Слово легло между ними, как нож на мокрую клеёнку.

Паша не сразу ответил. На секунду ему стало даже смешно. Не потому что смешно, а потому что мозг иногда выбирал самый тупой способ не сорваться. Реакция. Их всех уже приучили к этому слову, как к мягкому ошейнику. Не поступок, не решение, не профессиональная позиция. Реакция. То есть то, что можно вызвать, измерить, описать и положить в ячейку.

- Я не лабораторная крыса, - сказал Паша.

- Никто этого не говорит.

- Только пишете.

Мужчина положил ручку.

- Подпишите отказ. И можете идти.

- Нет.

- Тогда будете сидеть, пока не оформим без вашей подписи.

- Оформляйте.

- Не надо геройствовать.

Паша усмехнулся. Коротко, сухо.

- А я и не геройствую. Я бумагу порчу.

Он подтянул лист к себе, взял ручку и в свободном поле, прямо поперёк аккуратного текста, написал крупно, медленно, так, чтобы камера видела движение руки:

"С формулировкой не согласен. Я не давал авторскую правку. Я не действую в интересах Климовой Н. А. Я действую в рамках проверки преступления. Прошу приобщить запись камеры".

Мужчина дёрнулся.

- Вы что делаете?

- Пишу.

- Это служебный документ.

- Был.

Паша поставил дату. Потом время. Посмотрел на часы на стене. Они отставали на четыре минуты. Он записал и это.

"Часы в комнате отстают на 4 минуты".

Зачем - он не знал. Просто в этой комнате чужая версия питалась точностью, а значит, портить её нужно было точностью тоже.

Дверь открылась без стука. Вошёл второй. Ниже, тяжелее, с лицом человека, которому не объясняли, зачем его позвали, но сказали, что нужно быстро. Он посмотрел на лист, на Пашу, на мужчину в синем костюме.

- Проблемы?

- Участник проверки препятствует оформлению.

- Участник проверки пишет рукой, - сказал Паша. - Это пока не запрещено. Хотя я уже ничему не удивлюсь.

Второй подошёл ближе. Пахло от него мокрой шерстью и дешёвым табаком. Настоящий запах. Паша вдруг понял, как скучает по настоящим запахам. По людям, которые злятся не по методичке. По коридорам, где линолеум моют плохо. По делу, которое ещё не успели отполировать.

- Павел Игоревич, - сказал второй. - Вы же взрослый человек.

- Стараюсь.

- Тогда не надо цирк устраивать.

- Цирк уже устроили до меня.

В коридоре что-то щёлкнуло. Камера под потолком мигнула красным и погасла.

Мужчина в синем костюме сразу посмотрел вверх. Второй выругался почти беззвучно.

Паша замер.

Погасшая камера была хуже включённой. Включённая хотя бы врала вместе со всеми. Погасшая давала им пустоту, куда потом можно было вписать всё, что удобно.

- Включите обратно, - сказал Паша.

- Технический сбой.

- Включите.

- Сядьте.

- Нет.

Он поднялся. Не резко. Резкость им была нужна, она уже ждала в углу, готовая прыгнуть на него и подписаться его именем. Паша поднялся медленно, держа руки на виду.

- Я сейчас выйду в коридор, - сказал он. - Там есть камера. Там люди. Там часы. Там хоть какая-то реальность.

Второй сделал шаг к двери.

- Сядьте.

- Не трогайте меня.

- Сядьте, я сказал.

И тут снаружи, за дверью, раздался голос Суханова.

- Руки уברי от него.

Голос был тихий. Даже усталый. Но дверь будто стала тоньше.

Мужчина в синем костюме выпрямился. Второй повернулся. Паша не сел.

Дверь открылась шире. Суханов стоял в коридоре без пальто, в сером свитере под пиджаком, с мокрым воротником и лицом, на котором служебная усталость давно перешла в плохой характер. Рядом с ним была женщина из канцелярии с испуганной папкой в руках и охранник, который смотрел в пол, потому что уже понял, что сейчас лучше быть мебелью.

- Игорь Михайлович, - сказал мужчина в синем костюме. - Это внутренняя проверка.

- Я вижу. Проверка внутренняя, а воняет наружу.

- Вы не имеете права вмешиваться.

- Имею право смотреть, как вы не ломаете мне человека без протокола.

- Лазарев временно отстранён.

- Покажи приказ.

Молчание стало густым.

Суханов вошёл в комнату. Не торопясь. Посмотрел на погасшую камеру, на лист, на Пашину надпись поперёк текста. Угол его рта дрогнул. Не улыбка. Скорее признание: молодец, гадёныш, хоть чему-то научился.

- Забираю копию, - сказал Суханов.

- Нельзя.

- Тогда фотографирую.

- Нельзя.

- Тогда читаю вслух при свидетелях.

Мужчина в синем костюме понял, что попал в старую служебную драку, где красивые формулировки бесполезны против человека, который десятилетиями выживал на грязных приказах и плохо оформленных чудесах.

Суханов поднял лист.

- "Лазарев П. И. предупреждён..." Так. А вот дальше интереснее. "Я не давал авторскую правку". Это рукописно. Время указано. Часы отстают на четыре минуты. Прекрасно. Павел Игоревич, почерк ваш?

- Мой.

- Участник проверки подтверждает рукописную запись. Сотрудник канцелярии присутствует. Охранник присутствует. Камера, кстати, не присутствует, потому что технический сбой. Тоже зафиксируем.

- Вы превращаете процедуру в фарс, - сказал мужчина.

Суханов посмотрел на него.

- Нет. Фарс вы устроили, когда решили, что роль человека можно распечатать до того, как он рот открыл.

Он положил лист обратно на стол, но уже другой стороной к себе, как доказательство, а не как ловушку.

- Лазарев остаётся на месте до официального приказа. Если приказ будет, я хочу видеть основание. Не пересказ. Не заботу о Климовой. Основание.

- Вы берёте ответственность.

- Я с ней давно знаком.

Паша впервые за всё время выдохнул. Не свободно. Просто воздух снова стал воздухом.

Суханов повернулся к нему.

- Идешь?

- Иду.

- Рот закрой пока.

- Я ничего не говорю.

- Вот и дальше ничего не говори. Сегодня это у тебя лучшее процессуальное действие.

Паша взял куртку. С неё снова капнуло на пол. Маленькая точка растеклась рядом с первой.

У выхода мужчина в синем костюме тихо сказал:

- Вы всё равно не успеете.

Суханов остановился.

- Куда?

Мужчина посмотрел не на него. На Пашу.

- Туда, где уже написано.

Надя не поехала за Пашей.

Это было самое трудное действие за последние сутки. Не ехать. Не ворваться. Не выбить дверь плечом, не вытащить его из чужого кабинета, не заставить того, кто сказал "эмоциональное влияние", проглотить бумагу вместе со степлером. Всё это было естественно. Почти честно. И потому опасно.

Она сидела на заднем сиденье машины и смотрела, как по стеклу ползёт вода. Рита рядом жевала пластиковую ложечку от кофе. Не кофе пила, а именно уничтожала ложечку, будто та была виновата в состоянии мира.

- Ты сейчас похожа на человека, который хочет сделать очень правильную хуйню, - сказала Рита.

Надя не повернула головы.

- Спасибо за консультацию.

- Бесплатно. Потому что ты меня тоже бесишь бесплатно.

Морозов сидел спереди, ноутбук на коленях, провод от телефона уходил в пауэрбанк, пауэрбанк в другой провод, другой провод в маленький серый переходник. Всё это выглядело как больной организм, который продолжает жить только из злости. Морозов ругался себе под нос, но пока без адресата. Значит, было плохо.

- Паша в управлении, - сказала Надя.

- Паша не младенец, - ответила Рита.

- Его используют.

- Всех используют. Вопрос, кто когда заметил.

Надя закрыла глаза.

Рита не утешала. Утешение было бы хуже. Рита стояла на стороне тела, а тело сейчас говорило: если ты рванёшь, тебя поймут за старую мышцу. За ту самую, которую система давно выучила. За движение к тому, кто рядом.

Морозов ударил пальцем по клавише.

- Есть.

- Что? - спросила Надя.

- Ничего хорошего, не надейся. По Пашиному статусу пошёл запрос на изменение группы доступа. Не приказ. Запрос. Основание - "потенциальная связь с объектом".

- С объектом, - повторила Рита. - Как ласково. Прямо хочется замуж за бумагу.

- Кто отправил?

- Сейчас. - Морозов шурился в экран. - Отправитель чистый. Слишком чистый. Служебный шлюз, учётка действующая, подпись живая. Но цепочка кривая. Запрос родился раньше, чем его отправили.

Надя открыла глаза.

- Насколько раньше?

- На одиннадцать минут.

- Часы?

- Нет. Не часы. Там метки разные. Системное время ровное. Просто событие есть до действия. Как черновик, который потом подтянули к реальности.

Рита перестала грызть ложечку.

- Сука.

- Это технический термин? - спросила Надя.

- Уже да.

Морозов повернул экран. На тёмном фоне была таблица. Строки, коды, даты, серые ячейки. Надя видела не столько текст, сколько порядок. Чужой порядок, который лез под кожу.

"Лазарев П. И. - временное ограничение взаимодействия с Климовой Н. А. Риск: усиление сопротивления версии".

Ниже:

"Рекомендованное действие: изоляция без конфликта".

Ещё ниже:

"Ожидаемая реакция Климовой Н. А.: самостоятельная попытка извлечения Лазарева П. И. Вероятность 76".

Надя смотрела на цифру. Семьдесят шесть. Не восемьдесят два, как в первом черновике. Значит, они уже поправляли её. Уменьшали уверенность. Система не была богом. Она училась.

Это было хуже.

- Поехали к Корсаковой, - сказала Надя.

Рита повернула голову.

- Не к Паше?

- Не к Паше.

- Сама сказала или черновик подсказал?

- Сама.

- Проверим потом.

Морозов фыркнул.

- Корсакова сегодня не отвечает.

- Значит, не хочет.

- У неё телефон выключен.

- Значит, боится.

- Или сдох.

- Не радуйся раньше времени, - сказала Рита. - На хороших людях техника так быстро не работает.

Надя достала из кармана сложенный лист. Тот самый обрезок маршрута, который Корсакова отдала в финале предыдущей грязи, даже не сделав вид, что это искупление. Север-3. Авторский доступ. Резервное зеркало. Корсакова умела давать не ответы, а узкие щели. Через них приходилось пролезать кожей.

Внизу на листе был адрес. Не прямой. Три буквы, дробь, пометка "старый вход через речевой" и цифры, похожие на внутренний корпус.

- Кондратьевский, - сказала Надя.

Морозов кивнул.

- Бывший центр речевой экспертизы. Сейчас частная лавка с красивым сайтом. Реабилитация голоса, нейропсихология, экспертные заключения для судов, справки для опеки, корпоративные проверки. Всё, что нужно, чтобы человек звучал правильно в чужом документе.

Рита медленно улыбнулась.

- О, медицинский повод. Родная грязь.

- Корсакова там? - спросила Надя.

- Нет. Но её старый доступ туда ведёт. И Нина Громова там работала.

Надя посмотрела на экран.

- Работала?

Морозов помолчал.

- По их базе - работает. По выгрузке из страхового контура - выписана. По файлу, который Рита получила час назад, - уже вскрыта.

Рита сунула поломанную ложечку в пустой стакан.

- Ну наконец-то. Живой человек в трёх состояниях. Современная медицина, мать её.

Машина тронулась.

Петербург за окном был мокрым и плоским. Дворы уходили внутрь домов, как старые раны. Светофоры висели красными точками в грязном воздухе. На перекрёстке у остановки женщина держала над головой пакет вместо зонта и ругалась в телефон так яростно, что даже через стекло было понятно: она хотя бы ругается своим голосом.

Надя подумала о Паше. Потом заставила себя думать о Нине Громовой. О медицинском центре. О Марии. О записи, которую нельзя слушать одной. О том, что если черновик ждал её у управления, то сейчас он, возможно, уже переписывал следующую сцену.

Телефон в руке коротко дрогнул.

Номер был скрыт.

Она включила громкую связь.

- Климова.

В трубке сначала был шум. Не цифровой, а комнатный: далёкий гул вентиляции, скрип стула, чужое дыхание.

Потом женский голос сказал:

- Вы не туда едете.

Рита подняла глаза.

Морозов замер.

Надя не спросила "кто это". Слишком много людей в этой истории хотели начинать разговор с чужой власти над именем.

- Тогда скажите куда.

- Если скажу, вы сделаете наоборот.

Голос был сухой, сорванный, знакомый по усталости. Не Корсакова. Моложе. Тоньше.

- Нина?

Пауза.

- Я не знала, что это люди.

Надя почувствовала, как Рита рядом выпрямилась.

- Что именно?

- Строки. Оценки. Риски. Нам говорили, это обезличенные маршруты. Поведенческие контуры. Учебные версии. Я ставила галочки. Там не было ваших лиц.

- Где вы?

- Внизу.

- Внизу чего?

- Они уже исправили. Если вы приедете через главный, меня не будет. Если через речевой, вас встретят. Если через архивный, вы найдёте только то, что вам положили.

Морозов начал быстро что-то печатать, пытаясь снять источник звонка.

- Нина, слушайте меня. Вы можете выйти?

- Нет.

- Почему?

- Потому что я уже подписала выход.

- Что это значит?

На том конце кто-то стукнул дверью. Голос Нины стал тише.

- У них есть черновик не только на вас. Есть черновик на тех, кто помогает вам не быть собой.

- Кто помогает?

- Все.

- Нина.

- Не верьте медицинскому поводу. Он всегда первый. Потом под него подтягивают остальное.

Связь оборвалась.

Морозов выругался.

- Номер одноразовый. Гео скачет. Но рядом с Кондратьевским. Сука, она там.

Рита уже доставала телефон.

- Я звоню по своим.

- Кому?

- Тем, кто ещё берёт трубку, когда медицина начинает пахнуть не трупом, а бумагой.

Надя смотрела на погасший экран.

"Я не знала, что это люди".

Самая страшная фраза редко звучала как признание убийцы. Чаще она звучала как оправдание аккуратного специалиста, который долго работал с ячейками и однажды заметил, что из них течёт кровь.

Глава 8. Медицинский повод

Центр назывался красиво: "Резонанс".

Слово висело над входом тонкими металлическими буквами, подсвеченными изнутри. В дождливом воздухе они казались не вывеской, а медицинским снимком, на котором кто-то забыл подписать патологию. Под словом была стеклянная дверь, справа - табличка с перечнем услуг. Восстановление голоса. Нейропсихологическая диагностика. Речевая реабилитация. Судебно-экспертное сопровождение. Консультации для организаций.

Рита прочитала вслух последний пункт и сплюнула в сторону урны.

- Консультации для организаций. Перевожу с медицинского на человеческий: научим бумагу звучать убедительно.

Морозов остался в машине. Не потому что хотел, а потому что его ноутбук был сейчас полезнее его лица. Суханов ещё вёз Пашу из управления и матерился в телефон так сдержанно, что Надя поняла: там всё хуже, чем он говорит. Корсакова по-прежнему не отвечала.

У входа пахло мокрым гранитом, дешёвым кофе из автомата и хлоркой, которой пытались перебить страх. Внутри было тепло. Слишком тепло. Приёмная светилась мягким бежевым светом, на стене висели фотографии улыбающихся людей до и после восстановления голоса. На одной женщине подписали: "Я снова могу говорить с внуками". На другой мужчина держал в руках кружку и смотрел в камеру так благодарно, будто ему вернули не голос, а разрешение существовать.

За стойкой сидела администратор. Молодая, гладкая, с аккуратным пучком и бейджем "Ермакова А. С.". Она подняла глаза, и лицо её сразу стало вежливым. Не добрым. Вежливым.

- Добрый день. Вы по записи?

Рита положила на стойку удостоверение.

- Мы по плохому запаху.

Администратор моргнула.

Надя достала свой документ. Не следовательский. Старое удостоверение уже не работало как право, но иногда работало как травма. Люди видели бывшее, додумывали нынешнее, и пару секунд у них уходило на выбор правильного страха.

- Нам нужна Нина Валерьевна Громова, - сказала Надя.

- У нас не предоставляется информация о сотрудниках и пациентах без официального запроса.

- Она сотрудник или пациент?

Пауза была короткой. Достаточной.

- Я не уполномочена.

Рита наклонилась к стойке.

- Девочка, я сейчас очень вежливо. У меня на руках предварительное заключение о смерти женщины, которая, по вашей базе, ещё работает у вас. Или лечится у вас. Или лежит у вас в подвале, делая вид, что это карьерный рост. Поэтому ты сейчас зовёшь старшего, а не тренируешь лицо.

Администратор побледнела.

- Я вызову директора.

- Вызывай.

- Вам придётся подождать.

Надя смотрела на её пальцы. Те лёгко дрожали над клавиатурой. Не от злости. От знания. Ермакова знала больше, чем хотела знать. Это было почти всегда видно. Человек, который ничего не знает, прячется за инструкцию спокойно. Человек, который знает, начинает гладить инструкцию руками, как мокрую кошку.

- Анна Сергеевна, - сказала Надя.

Администратор вздрогнула от имени, хотя оно висело на бейдже.

- Да?

- Вы сейчас нажмёте внутренний вызов. Потом скажете, что пришли посторонние. Потом вас попросят задержать нас у стойки. Потом Нину Громову перевезут или оформят так, будто её здесь не было. Вы будете говорить, что выполняли порядок. И это почти сработает.

- Я не понимаю, о чём вы.

- Понимаете.

Рита чуть повернула голову. Она знала этот голос Нади. Тот самый, от которого людям становилось холодно без угрозы. Надя не повышала тон. Не давила телом. Она просто находила место, где человек уже соврал себе, и ставила туда палец.

- У вас мать на учёте в этом же центре? - спросила Надя.

Ермакова застыла.

Рита резко посмотрела на Надю. В этом взгляде было: аккуратнее. И ещё: да, вот так она умеет быть неприятной.

- Не надо, - тихо сказала администратор.

- Я не трону вашу мать. И не собираюсь. Но если вы сейчас станете частью оформления Громовой, ваша мать останется в системе, где людей можно переводить из живых в мёртвые строкой. Это не угроза. Это описание среды.

- Вы не имеете права.

- У меня их вообще мало осталось.

Ермакова медленно убрала руку от клавиатуры.

В глубине коридора щёлкнула дверь. Из неё вышел мужчина лет пятидесяти, сухой, с ровной бородой и лицом врача, который давно перешёл от лечения к управлению лечащими. На халате не было пятен. На бейдже - "Брагин С. О., директор".

- Добрый день, - сказал он. - Чем могу помочь?

- Ниной Громовой, - сказала Рита.

- Нина Валерьевна сегодня не работает.

- Она сегодня у вас умерла, работает или выписалась? Вы уж выберите, а то у меня судмедэкспертная картина мира трещит по швам.

Брагин посмотрел на удостоверение Риты, потом на Надю. Лицо его не изменилось. Слишком хорошо.

- Если у вас есть официальный запрос, мы готовы ответить в установленном порядке.

- У нас есть основания полагать, что здесь удерживают человека.

- Серьёзное заявление.

- У вас серьёзная вывеска, - сказала Надя. - Все стараются.

Брагин мягко улыбнулся.

- Я понимаю вашу тревогу. Но вы пришли в медицинскую организацию. Здесь пациенты. Некоторые в тяжёлом эмоциональном состоянии. Наша обязанность - защищать их от вторжения.

- Вот опять, - сказала Рита. - Как только кто-то говорит "защищать", нужно проверить, кого уже пристегнули.

Надя не отводила взгляда от Брагина.

- Мы хотим увидеть Громову.

- Невозможно.

- Почему?

- Потому что её здесь нет.

- Тогда покажите кабинет.

- Нет.

- Журнал входа.

- Нет.

- Камеры.

- Нет.

- Хорошо, - сказала Надя.

Она достала телефон и набрала Морозова.

- Что у нас по заднему входу?

Голос Морозова из динамика был злой и счастливый одновременно.

- У них всё умное. Значит, всё дырявое. Задний вход по пропускам закрыт, но пожарная дверь открывалась семь минут назад. Третий минус первый. Кто-то выходил или делал вид, что выходит. И ещё у них внутренний лифт поедет вниз через двадцать секунд, если я правильно понял этот кривой зоопарк.

Брагин шагнул к ней.

- Вы нарушаете работу учреждения.

Рита встала между ним и Надей.

- Доктор, не надо. Я сегодня злая, мокрая и без обеда. Это плохое сочетание для вашей челюсти и моего диплома.

Из коридора справа донёлся тихий сигнал лифта.

Надя пошла на звук.

- Остановите их, - сказал Брагин.

Администратор не двинулась.

Рита двинулась. Быстро, тяжело, уверенно. Брагин попытался встать на пути, но Рита положила ладонь ему на грудь и отодвинула. Не ударила. Просто показала, что тело иногда убедительнее должности.

- Я сказала не надо.

Двери лифта закрывались, когда Надя успела просунуть руку. Датчик сработал. Двери разъехались.

Внутри стояли двое санитаров и каталка.

На каталке лежала женщина.

Не мёртвая. Серая, с сухими губами, с датчиком на пальце, с волосами, прилипшими к виску. Глаза были закрыты. На запястье - больничный браслет без фамилии. Только штрихкод.

Один санитар сказал:

- Нам приказано перевести.

- Куда? - спросила Надя.

- В другой корпус.

- Какой?

Санитар посмотрел на второго. Второй смотрел в пол.

Рита подошла к каталке и взяла женщину за подбородок. Подняла веко. Проверила зрачок. Потом пальцами быстро, почти грубо, ощупала вену на руке, шею, край пластыря у ключицы.

- Живая, - сказала она. - Обдолбанная, но живая. Чем кормили?

- Мы не знаем.

- Конечно. У нас в стране никто ничего не знает, зато все очень хорошо возят.

Женщина на каталке шевельнула губами.

Надя наклонилась.

- Нина?

Губы снова дрогнули.

- Не... через... главный...

- Мы уже не через главный.

Нина чуть открыла глаза. Взгляд был мутный, но узнавание в нём появилось сразу. Не личное - сюжетное. Она узнала не Надю, а событие, которое боялась.

- Они исправили, - прошептала она.

- Кто?

- Все понемногу.

Брагин подошёл к лифту.

- Эта пациентка находится под наблюдением. Её нельзя перемещать без назначения.

- А вы куда её перемещали? - спросила Рита.

- В диагностический блок.

- Минус первый? Какая прелесть. Диагностика прямо в подвале, как грибы.

Надя взяла браслет Нины и повернула штрихкод к свету.

- Почему нет фамилии?

- Внутренняя система.

- Не сомневаюсь.

Морозов в телефоне сказал:

- Надя, слушай. Я вытащил штрихкод. Он не на Громову.

- А на кого?

- На "образец речи МК-17".

Рита медленно подняла голову.

Брагин впервые потерял лицо. Не сильно. Просто на долю секунды уголок рта ушёл вниз.

Надя посмотрела на Нину.

- МК - Мария Климова?

Нина закрыла глаза.

- Не я... не я ставила это...

- Что вы ставили?

- Риски. Отклонения. Реакции. Нам давали обезличенные карточки. "Объект сопротивляется версии". "Близкий контакт усиливает". "Медицинский повод стабилизирует". Я думала, это обучение. Я думала, они уже мёртвые.

Рита тихо сказала:

- Удобная профессия. Работаешь с мёртвыми, пока они живые.

Нина заплакала без звука. Слезы вытекали из уголков глаз и сразу пропадали в волосах.

- Строка про Лазарева была моя, - прошептала она. - Я выбрала "эмоциональное усиление". Там не было имени. Потом появилось. Я видела. Уже после. Я хотела удалить.

- И вас перевели в образец речи, - сказала Надя.

Нина кивнула почти незаметно.

Брагин шагнул ближе.

- Она дезориентирована. Вы не можете использовать её слова.

Рита повернулась к нему.

- А вот тут, доктор, вы почти правы. В суде сейчас её слова развалят быстрее, чем ваш сахарный фасад. Зато тело у неё пока говорит хорошо.

Она сорвала с каталки простыню до локтя Нины. На коже у сгиба руки был свежий укол. Рядом - старый синяк. Ниже, ближе к запястью, маленькая красная полоса от фиксатора. Не страшная. Не эффектная. Достаточная.

- Это что? - спросила Рита.

- Медицинская манипуляция.

- Какая?

- Седация.

- По назначению?

- Разумеется.

- Покажете?

- В установленном порядке.

Рита улыбнулась.

- Слушайте, я сейчас тоже начну говорить "в установленном порядке", и кто-нибудь обязательно ляжет. Не обязательно пациент.

Надя посмотрела на санитаров.

- Кто дал приказ перевозить?

Первый молчал. Второй поднял глаза.

- Через приложение пришло.

- Какое приложение?

- Внутреннее. Заявка. Перемещение пациента. Срочно.

- От кого?

- От дежурного врача.

- Фамилия.

Он слотнул.

- Там не фамилия была. Там роль.

Морозов в динамике тихо выругался.

- Какая роль? - спросила Надя.

Санитар сказал:

- Автор.

В лифте стало слишком тихо.

Даже Брагин молчал.

Роль. Не фамилия. Не должность. Не кабинет. Роль в системе, которой хватало, чтобы живого человека повезли вниз под чужим штрихкодом.

Телефон Нади снова дрогнул. На экране появилось сообщение от Морозова. Не звонок. Скрин.

"Черновик обновлён. Громова Н. В. не выведена через главный вход. Сценарий Б активирован".

Ниже:

"Корнеева М. И. фиксирует медицинское несовпадение. Шумовой источник".

Ещё ниже:

"Рекомендованное действие: убрать шум".

Рита прочитала через плечо.

- Шумовой источник - это я, да?

Надя не ответила.

Рита достала из кармана перчатки. Надела одну, потом вторую, дёрнула резину у запястья.

- Ну давайте, - сказала она в пустой коридор. - Убирайте. Только аккуратно. Я, сука, плохо переношу некачественную работу.

Свет в лифте моргнул.

Потом погас.

Глава 9. Не для неё

В темноте Рита сказала:

- Только без паники. Паника - это когда все орут. У нас пока просто хуёвое освещение.

Где-то над головой коротко щёлкнул аварийный блок. Загорелась узкая красная лампа, и лица в лифте стали чужими. Нина на каталке казалась уже почти той версией, которую для неё написали: серая, неподвижная, с закрытыми глазами. Брагин стоял у дверей, и на красном свете его аккуратная борода выглядела грязной. Два санитара молчали, как школьники, которых поймали не на преступлении даже, а на том, что они поняли преступление слишком поздно.

Надя достала телефон. Связь была. Плохая, но была.

- Морозов.

- Вижу, - ответил он сразу. - У вас отрубили питание лифтового контура. Не полностью. Держат на аварийном, чтобы двери не открылись. Красиво, блядь. Люблю, когда люди смотрят инструкции перед тем, как быть мразями.

- Откроешь?

- Я не Господь. Я человек с ноутбуком и ненавистью. Дай минуту.

- У нас нет минуты.

- Значит, тридцать секунд.

Рита уже проверяла створки дверей пальцами. Не суетилась. Её злость становилась рабочей, почти спокойной. Она посмотрела на санитаров.

- Вы двое. Один держит каталку. Второй помогает мне. Если кто-то внезапно вспомнит приказ автора, я сломаю ему нос и потом оформлю как падение на собственную карьеру. Понятно?

Первый кивнул. Второй сказал:

- Понятно.

Брагин тихо произнёс:

- Вы не понимаете, с чем имеете дело.

Надя повернулась к нему.

- Понимаю. С людьми, которые любят говорить это вместо фамилии.

- Фамилии ничего не дадут.

- Это решим мы.

- Нет. - Он улыбнулся странно, с усталостью. - Вы всё ещё думаете, что ищите виновных. Виновных нет. Есть связанная оценка риска. Есть распределённая правка. Есть медицинский повод. Есть экспертная рамка. Есть цифровое подтверждение. Каждый делает мало. Поэтому никто не делает достаточно для суда.

Рита хмыкнула.

- Доктор философских говен, я правильно понимаю?

Брагин не посмотрел на неё.

- Вы вытащите Громова. Допустим. И что? Она скажет, что ставила галочки. Её признают дезориентированной, виноватой, мелкой исполнительницей. Вы найдёте меня. Я покажу назначения, протоколы, согласия. Вы найдёте автора. Там будет роль. Найдёте роль - там будет группа. Найдёте группу - там будет методика. В методике нет убийства.

Надя слушала и чувствовала, как его слова пытаются сделать самое простое: отнять у крови событие. Разложить живое на пункты, где каждый пункт выглядит недостаточным.

- А в лифте есть, - сказала она.

- Что?

- Убийство. Не методика. Не рамка. Не риск. Живую женщину везли вниз под чужим кодом. Свет погас. Двери закрыты. Этого хватит.

Брагин наконец посмотрел ей в глаза.

- Вам всегда всего хватает.

- Нет. Просто я начинаю с того, что есть.

Телефон щёлкнул.

Морозов сказал:

- Сейчас дёрнет.

Двери лифта вздрогнули и разошлись на ладонь. Рита тут же сунула в щель металлический зажим от каталки.

- Ещё.

- Я стараюсь, - прошипел Морозов. - Оно сопротивляется.

- Оно? - спросила Рита.

- Да, Маргарита Игоревна, оно. Потому что "кто-то" звучит слишком лестно для этого куска цифровой плесени.

Двери разошлись ещё на полметра. Снаружи был технический этаж. Не холл и не диагностический блок. Серый коридор с трубами под потолком, мокрый бетон, коробки с одноразовыми простынями, старые стойки с папками, тележка для белья. Пахло хлоркой, пылью и сырой стеной.

Надя первой вышла в коридор. За ней Рита с санитаром вытолкнули каталку. Брагин не двигался.

- Идёте? - спросила Надя.

Он усмехнулся.

- Вы правда хотите взять меня с собой?

- Нет. Но если оставить, вы успеете стать свидетелем, которого здесь не было.

Брагин вышел.

В конце коридора хлопнула дверь.

Все повернулись.

По бетону быстро удалялись шаги.

Надя побежала. Не за шагами даже, за возможностью. Коридор свернул налево, потом ещё раз. Красные стрелки эвакуации вели к чёрной двери с облупленной ручкой. За дверью был маленький двор-колодец, мокрые стены, контейнеры для мусора, железная лестница вверх. Никого.

На земле лежала папка.

Надя подняла её.

Папка была тонкая, на резинке. Без названия. Внутри - один лист и флешка, приклеенная скотчем к обороту.

На листе было напечатано:

"Климова Н. А. Реакция на шумовой источник. Сценарий Б не завершён".

Ниже от руки, знакомым почерком Корсаковой:

"Не слушайте без свидетелей. И не дочери".

Через сорок минут они сидели в старом кабинете Суханова на Дровяном.

Официально кабинет давно не был кабинетом. Там хранили списанные стулья, архивные коробки, сломанный принтер и чужие новогодние гирлянды, которые никто не забирал уже несколько лет. Неофициально Суханов держал там место, где можно было закрыть дверь и несколько минут не быть красивым для системы. В углу стоял электрический чайник с накипью. На подоконнике - две кружки, одна с трещиной. Окно выходило во двор, где под жёлтым фонарём мокли мусорные баки.

Нину положили на старый диван, который пах пылью и дешёвым коззамом. Рита поставила ей капельницу из того, что успела вытащить из машины и из карманов, и теперь сидела рядом, считывая пульс по пальцам, будто спорила с чужим документом через кожу.

- Жить будет? - спросил Суханов.

- Если никто больше не решит улучшить статистику, - сказала Рита. - По-хорошему её надо в нормальную больницу.

- По-хорошему нас всех надо в нормальную страну, - сказал Морозов, раскладывая на столе ноутбук, внешний диск, флешку из папки и пачку проводов. - Но работаем с тем, что есть.

Паша сидел у стены. Молчал. На рукаве у него была чернильная полоса от той самой ручки. Суханов привёз его злого и слишком спокойного. Надя успела спросить взглядом, цел ли он. Паша ответил таким же взглядом: цел, но не весь.

Они не обнялись. Не подошли друг к другу. Не стали доказывать, что всё нормально. В этой комнате любое резкое человеческое тепло могло стать следующей строкой.

- Ты как? - спросила Надя.

- Роль испортил, - сказал Паша.

- Хорошо.

- Не знаю.

- Это тоже хорошо.

Рита подняла глаза.

- Господи, какие вы романтичные. Прямо слёзы из печени.

Паша впервые за вечер почти улыбнулся.

Морозов вставил флешку в изолированный ноутбук, который держал для таких случаев. На крышке у него было криво приклеен стикер: "не верь железу". Экран мигнул. Появилось дерево файлов.

- Ну конечно, - сказал Морозов. - Красиво названо. "М_полная". "К_реакция". "Север3_зеркало". И папка "служебное". Когда в аду будут делать архив, они тоже назовут папку "служебное".

Надя встала за его спиной. Паша остался у стены. Суханов подошёл к окну, но не отвернулся. Рита сидела у Нины.

- Начинаем с Марии, - сказала Надя.

- Корсакова написала не слушать без свидетелей, - напомнил Морозов.

- Мы здесь.

- Она ещё написала "и не дочери".

В комнате стало тише.

Надя смотрела на папку "М_полная". Буква М была слишком маленькой для матери и слишком большой для метки. Она почувствовала старое желание вытащить всё в одиночку, закрыть дверь, включить запись, выдержать, не дать никому увидеть лицо. Это желание было привычным, почти родным. И уже поэтому подозрительным.

Паша сказал от стены:

- Не надо одной.

Она не повернулась.

- Я знаю.

- Я не как якорь.

- Знаю.

- Просто как человек в комнате.

Надя кивнула.

Морозов открыл первый файл. Аудио. Длина - четыре минуты восемнадцать секунд. Название: "МК_17_не_для_НК".

Рита тихо сказала:

- Весёлые у них имена файлов. Сразу видно, заботились о психике пользователя.

Морозов нажал воспроизведение.

Сначала пошёл шум. Плёнка или её цифровая копия. Дыхание. Далёкий стук. Потом женский голос, хриплый, усталый, сорванный на краях.

- Если это слушает моя дочь, остановите запись.

Надя не двинулась.

Голос продолжил:

- Надя, если ты всё равно слушаешь, значит, они угадали. Значит, ты опять решила, что должна выдержать одна. Не надо. Это не для тебя.

Рита опустила глаза.

Паша сжал ладони, но не подошёл.

Мария дышала в записи так, будто рядом с ней стояли люди, а она пыталась говорить между их присутствием.

- Это для того, кто читает дело. Для следователя, эксперта, врача, конвойного, любого живого человека, если там ещё остался живой человек. Не верьте первой версии. Даже если её принесёт моя дочь. Особенно если её принесёт моя дочь.

Суханов медленно повернулся от окна.

- Сука, - тихо сказал он. Не как ругательство. Как диагноз времени.

Запись потрескивала.

- Её будут использовать как доказательство. Она будет искать грязный край, потому что иначе не сможет. Они это поймут. Может быть, уже поняли. Ей дадут дела, где правда спрятана так, чтобы она не отпустила. Ей дадут людей, которых нельзя бросить. Ей дадут мёртвых, которые мешают. И потом скажут: видите, она сама пришла.

Надя стояла очень ровно.

Внутри у неё что-то открывалось без боли. Или боль была такой старой, что уже не умела называться.

- Я не оставляла её, - сказала Мария. - Если в деле написано, что оставила, ищите медицинский повод. Всегда ищите медицинский повод. Сначала человека делают нестабильным. Потом всё, что он говорит, становится материалом для чужой правды.

Нина на диване шевельнулась. Рита приложила пальцы к её запястью.

- Мне дали бумагу, - продолжала Мария. - Сказали, что это для защиты ребёнка. Для оценки реакции. Для прогноза. Для помощи. Всегда говорят "для помощи". Я подписала не всё. То, что не подписала, они записали голосом.

Морозов посмотрел на Надю. Та не моргала.

- Если вы слышите этот файл, значит, они сохранили не меня. Они сохранили способ. Не ищите одного автора. Автором становится любой, кто исправил одну строку и решил, что это не человек.

Паша медленно выдохнул.

Мария замолчала. Потом сказала тише:

- Надя не должна знать это первой. Потому что она начнёт спасать меня задним числом. А меня уже не надо. Надо тех, кто ещё не понял, что его пишут.

Шум усилился. На записи кто-то сказал далеко, неразборчиво:

- Время.

Мария торопливо вдохнула.

- Первый конвойный не был первым. Игорь, если ты слышишь, не бери на себя чужую чистоту. Твоя грязь твоя. Но дверь открыли до тебя.

Суханов побледнел.

Рита подняла голову.

Запись оборвалась.

Несколько секунд никто не говорил.

Старый кабинет держал тишину плохо. За стеной гудела труба, во дворе хлопнула крышка контейнера, чайник на тумбочке тихо щёлкнул пустым пластиком. Жизнь, мерзкая и упрямая, продолжала производить звуки.

Суханов сел. Не на стул даже, а как сел бы человек, которому внезапно вынули из спины кусок железа и показали, что он всё эти годы носил не тот осколок.

- Повтори, - сказал он.

- Нет, - сказала Надя.

Он посмотрел на неё.

- Я должен.

- Потом. Не сейчас.

- Климова...

- Игорь Михайлович, не сейчас.

Он замолчал. Потому что она была права. И потому что впервые за долгое время не знал, что делать со своей виной, если она переставала быть удобной.

Паша поднялся.

- Мария сказала "дверь открыли до тебя". Это про Север-2?

- Или про медицинский повод, - сказала Рита.

Морозов уже лез в папки.

- Там есть связанный файл. Сейчас. "К_реакция". Подпапка... нет. Не может быть.

- Что? - спросила Надя.

Морозов не ответил. Открыл список. На экране появились названия файлов.

"НК_7_потеря_матери_проба1".

"НК_7_вопрос_где_мама".

"НК_8_отказ_от_утешения".

"НК_12_контакт_с_конвойным".

Надя не сразу поняла. Потом поняла слишком быстро.

Паша сделал шаг к ней и остановился. Не подошёл. Это было почти невыносимо правильно.

Рита тихо сказала:

- НК - это...

- Я, - сказала Надя.

Морозов смотрел на экран с таким выражением, будто техника наконец сделала то, за что он её ненавидел: показала человеческое горе в виде аккуратной папки.

- Тут детские аудио, - сказал он. - И метки реакции. Старые. Оцифрованные. Не все открываются.

Суханов поднял лицо.

- Выключи.

- Нет, - сказала Надя.

Голос у неё был спокойный. Слишком.

Паша тихо произнёс:

- Надя.

- Открой второй.

- Не надо, - сказал Морозов.

- Открой.

Он не двигался.

Надя посмотрела на него.

- Я не одна.

Морозов сжал челюсть. Потом нажал.

Файл был короткий. Двадцать три секунды.

Сначала детский всхлип. Потом голос маленькой девочки, тонкий, злой от страха:
- Мама, ты где?

Пауза.

- Я не буду с ними. Слышишь? Я не буду.

Ещё пауза. Шорох. Чужой взрослый голос, неразборчиво, где-то рядом.

Детский голос стал тише:

- Я всё равно найду.

Запись закончилась.

Надя стояла посреди старого кабинета. Взрослая. Мокрая. Уставшая. Бывшая следовательница, объект, читатель, теперь ещё и чужой детский материал. На столе лежала флешка. На диване дышала женщина, которая ставила галочки, пока не узнала, что это люди. У стены стоял Паша, не делая из себя спасателя. Суханов смотрел в пол, потому что старая вина под ним провалилась в ещё более старую. Рита держала пальцы на чужом пульсе. Морозов смотрел на экран и впервые за вечер не ругался.

Надя медленно села на стул.

- Вот теперь, - сказала она, - они ошиблись.

Никто не спросил почему.

На экране сама собой появилась новая строка журнала доступа.

"Климова Н. А. ознакомлена с черновиком 0. Реакция: не рассчитана".

Глава 10. Нулевая папка

Надя не сразу поняла, что тишина после детского голоса хуже самого голоса.

Запись закончилась, а в комнате всё ещё стояла маленькая девочка. Не как воспоминание, не как жалость, не как красивый образ для чужого внутреннего отчёта. Она стояла в двадцати трёх секундах, где было слишком много воздуха, слишком много чужого шороха и слишком мало права на страх. Семилетняя Надя говорила «я всё равно найду» не героически. Зло. Ободранно. Так говорят дети, когда им уже нечем защититься, кроме обещания, которое они ещё не умеют выполнить.

Морозов убрал руку от клавиатуры. На экране светился список файлов. Каждый был короткой строкой, аккуратным названием, без запаха, без времени, без маленьких пальцев на чужой шероховатой ткани.

"НК_7_потеря_матери_проба1".

"НК_7_вопрос_где_мама".

"НК_8_отказ_от_утешения".

"НК_12_контакт_с_конвойным".

"НК_14_реакция_на_ложное_признание".

"НК_17_выбор_версии".

Суханов сидел у стены и смотрел на пол. Он сидел тихо, но не пусто. В нём что-то двигалось медленно и тяжело, как старый механизм в подвале, который включили после многолетнего простоя. Рита всё ещё держала пальцы на запястье Нины Громовой, хотя та уже дышала ровнее. Паша стоял рядом с дверью. Не близко к Наде. Не далеко. На таком расстоянии, где человек может успеть, если нужно, но не делает из своего присутствия повод.

Надя сидела на стуле и смотрела на экран.

- Дальше не открываем, - сказала она.

Морозов моргнул.

- Ты только что сказала открыть второй.

- Я передумала.

- У нас там может быть...

- Там я, - сказала Надя. - Не дело. Не свидетель. Не запись с места. Я. И если сейчас мы начнём это слушать, они опять будут правы.

Рита тихо хмыкнула.

- Охуеть. Здравый смысл. В нашем кружке редкий гость.

- Я не сказала, что мы не будем использовать, - продолжила Надя. - Я сказала - не будем слушать как люди, которым больно.

- А как будем? - спросил Паша.

Она посмотрела на него. Вопрос был правильный. Не мягкий, не спасательный. Рабочий.

- Как материал незаконного сбора. С описью. С фиксацией носителя. С копированием хэшей. С запретом на прослушивание без двух свидетелей и врача рядом.

- Врача? - спросила Рита.

- Ты рядом.

- Я судмед, Климова. Я мёртвых ковыряю. Живых я только матерю.

- Сегодня расширишь практику.

- Какая честь. Сразу видно, частная медицина отдыхает.

Морозов выдохнул носом. На секунду в этом даже было что-то похожее на смех. Потом он снова стал смотреть в экран.

- Тогда не слушаем. Смотрим метаданные. Это уже не боль, это грязь.

- Грязь тоже бывает больной, - сказала Нина с дивана.

Голос у неё был слабый, как тонкая нитка. Рита повернулась к ней.

- А вы, Нина Сергеевна, пока лежите и наслаждаетесь тем, что у вас есть пульс. Редкая привилегия в нашей рабочей группе.

Нина попыталась сесть. Рита прижала её плечо обратно.

- Не дёргайтесь.

- Я должна видеть.

- Вы должны дышать.

- Это мой контур.

- Это уже не ваш контур, - сказала Надя.

Нина закрыла глаза. На лице у неё снова появилась та самая медицинская усталость, которая не имеет отношения к смене. Люди с такой усталостью долго убеждали себя, что они просто ставят галочки, просто проверяют формулировки, просто работают с обезличенными случаями. Потом однажды обезличенный случай открывал глаза.

- Я не знала про детские файлы, - сказала она.

- Пока никто не сказал, что знала.

- Вы скажете.

- Если будет за что.

Нина медленно повернула голову к ней.

- Вы правда так живёте?

- Как?

- Сначала ищите, за что.

Надя не ответила. Паша отвёл взгляд к окну. За стеклом двор был мокрый, низкий, со сломанной скамейкой и мусорными пакетами у контейнера. В окне напротив кто-то курил в темноте, маленькая красная точка сигареты загоралась и гасла, будто чужой глаз лениво моргал.

Морозов подключил внешний диск, запустил копирование, потом поднял ладонь.

- Сейчас будет скучная часть. Кто не любит настоящую технику, может отвернуться. Она уродливая.

- Давай уже, - сказал Суханов.

- Директория старая. Имена файлов обновлены недавно, но структура не новая. Очень не новая. Тут слой импорта, потом зеркало, потом ручная разметка. Смотрите.

Он вывел на экран окно свойств. Строки побежали сухо и некрасиво: путь, дата создания исходника, дата оцифровки, дата последнего обращения, контрольная сумма, права доступа. Рядом с именами папок стояли сокращения.

MIR_S3.

RC_0.

VOICE_MK.

NK_REACT.

- RC_0, - сказал Морозов. - Нулевая реакция. Или реакционный контур ноль. Тут любят красивую мерзость в сокращениях.

- Сколько лет исходникам? - спросил Паша.

Морозов увеличил дату.

Суханов тихо выругался.

Дата была старше всего дела, которое они считали началом. Старше Север-2. Старше Красного корпуса в той форме, в какой он вошёл в их жизнь. Старше почти всех аккуратных объяснений, которыми можно было удерживать старую вину в одном месте.

- Это не могло быть у них тогда, - сказал Суханов.

- Могло, - сказала Нина.

Рита посмотрела на неё.

- Вы опять ожили не вовремя.

Нина не улыбнулась.

- Север-3 не появился после Север-2. В наших документах он всегда шёл как режим хранения. Не объект. Не отдел. Режим. Если материал признан пригодным для последующей сценарной оценки, его клали не в рабочую базу, а в резервное зеркало. Там он мог лежать годами. Формально - для проверки качества методик.

- Сценарной оценки, - повторил Паша.

Нина посмотрела на него виновато и устало.

- Так это называлось. Мы не говорили "будущие дела". Мы говорили "сценарии". Профессионально звучит чище.

- Чище, - сказала Рита. - Конечно. Если назвать гной кремом для рук, он, сука, сразу пахнет лавандой.

Надя продолжала смотреть на дату. Внутри не было истерики. И это было плохо. Истерика хотя бы честная. А сейчас всё уходило в рабочий холод, в тот самый режим, где можно не чувствовать до вечера, до ночи, до момента, когда никого нет и стены вдруг начинают говорить чужими голосами.

- Кто имел доступ к нулевой папке? - спросила она.

Морозов щёлкнул мышью.

- Вот тут интересно. Основные права мёртвые. Учётки неактивны. Часть в виде ролей, не людей. "Сбор", "проверка", "редактура", "медицинское основание", "процессуальный контакт". Но есть живые следы. Громова, ты тут как...

Он замолчал и посмотрел на Нину.

- Как маленький полезный винтик, - сказала она. - Я знаю.

- Я бы сказал нежнее, но Рита всё равно испортит.

- Да идите вы оба, - сказала Рита без злости.

Морозов открыл журнал.

- Громова подтвердила одну строку по Лазареву. Не как автор в полном смысле. Как эксперт медицинского контура, которая согласилась с формулировкой "эмоциональное влияние вероятно". Эта строка потом поднялась выше. Вот почему Паша всплыл в авторской правке. Не потому что она хотела его утопить. Потому что система ест маленькие согласия и срет большими документами.

- Спасибо за образ, - сказал Паша.

- Не благодари. Я сам себя ненавижу.

Нина закрыла лицо рукой.

- Я видела только обезличенный фрагмент. Там не было ваших имён. Там было: мужчина, связанный с объектом проверки, демонстрирует устойчивую вовлечённость и может влиять на поведение объекта.

- И вы поставили "обосновано", - сказала Надя.

- Да.

- Почему?

Нина убрала руку. Глаза у неё были красные, но сухие.

- Потому что по тексту это было обосновано.

Вот это было самое страшное. Не злой умысел, не рука маньяка, не человек в подвале с лампой над столом. Просто текст был написан так, что в нём удобно соглашаться. Маленькая правильная фраза, вокруг которой нет крови, нет мокрого двора, нет Паши, который стоит у двери и не подходит, потому что понимает цену роли. Есть только "вероятно". Есть только "может влиять". Есть только галочка.

- Значит, авторский доступ - это не один человек, - сказал Паша.

- Мы это уже знали, - сказала Надя.

- Нет. Мы думали, что есть контур. А тут хуже. Автором становится любой, кому дали кусок текста без тела.

Рита подняла голову.

- Вот теперь ты говоришь как человек, которому пора пить. У нас есть что-нибудь крепче воды?

- Нет, - сказал Морозов.

- Отвратительная группа. Ни морали, ни коньяка.

Суханов поднялся. Стул скрипнул.

- Мне нужен список всех живых подтверждений по нулевой папке.

- Будет, - сказал Морозов. - Но медленно. Тут права кривые. Половина журналов не открывается, часть зеркалит в пустоту. Я не фокусник.

- Никто и не просит фокусов.

- Все просят, просто называют это "посмотри быстро".

Надя подошла к экрану.

- Открой свойства файла "НК_12_контакт_с_конвойным". Не звук. Только свойства.

Морозов посмотрел на неё.

- Точно?

- Да.

Он щёлкнул. Окно открылось. В нём не было детского голоса. Только сухие строки. Имя файла. Длительность. Канал записи. Оцифровка. Первичная разметка. Примечание.

Примечание было коротким.

"Контакт с представителем сопровождения. Объект демонстрирует фиксацию на фигуре, допустившей неполноту объяснения. Использовать как модель следового преследования".

Суханов не шевельнулся.

Надя прочитала ещё раз. Потом ещё. Слова не становились понятнее. Они становились грязнее.

- Это я? - спросил Суханов.

Морозов смотрел в строки.

- Там нет имени.

- Я спросил не это.

Надя повернулась к нему.

- Не сейчас.

- Нет, Климова. Сейчас. Если это я...

- Если это ты, они использовали тебя так же, как Пашу. Как роль. Не как человека.

- Я был человеком, когда молчал.

Она не стала его спасать. Спасение сейчас было бы ложью. Он и правда был человеком, когда молчал. Он и правда не сказал семилетней девочке всего. Он и правда нёс эту грязь. Но теперь кто-то пытался сделать из его грязи начало всех дорог, удобную первую точку, чтобы дальше ничего не проверять.

- Тогда будем проверять, - сказала она.

Суханов кивнул. Лицо у него стало серым.

Морозов пролистал ниже.

- Есть поле "источник".

- Показывай.

Он не сразу нажал. На секунду в нём что-то дрогнуло, и это было почти страшнее его обычной злости. Морозов редко берег людей словами. Если он молчал, значит, строка была плохая.

- Показывай, - повторила Надя.

Он нажал.

Внизу открылась последняя строка.

"Источник первичного речевого материала: Климова М. С."

Рита тихо сказала:

- Блядь.

Паша сделал шаг, но не к Наде. К экрану.

- Это не значит, что она дала согласие.

- Нет, - сказала Надя.

Голос у неё был ровный. Она сама слышала, какой он ровный, и от этого хотела ударить себя по лицу. Может быть, боль помогла бы стать живее. Но сейчас нельзя было роскошь боли.

- Это значит, что они хотят, чтобы я на секунду подумала, будто дала.

Нина на диване заплакала беззвучно. Не громко, не для них. Просто тело нашло выход, пока голова ещё пыталась работать.

Морозов открыл связанный документ. Не спрашивая. Иногда он понимал быстрее всех именно потому, что не делал из понимания жеста.

На экране появился скан. Неровный, сероватый, с тенью от сгиба. В верхней части - печатная форма. Ниже - место для подписи. Подпись была размытой, но имя читалось.

Климова Мария Сергеевна.

Рядом стояла дата.

Суханов наклонился ближе. Потом медленно выпрямился.

- Нет, - сказал он.

- Что? - спросил Паша.

Суханов смотрел не на подпись. На дату.

- Она уже была мертва.

Комната снова стала маленькой. Старый кабинет, мокрый двор за окном, диван, стол, экран, живые люди, которым сейчас показали бумагу, подписанную мёртвой женщиной.

Надя прочитала дату. Один раз. Второй.

Мария Климова подписала согласие через одиннадцать дней после своей официальной смерти.

На экране всё ещё светился скан.

Подпись была аккуратная.

Слишком аккуратная для мёртвой.

Глава 11. После даты смерти

Архив медицинского центра находился не в центре.

Это было почти неприлично удобно: все страшные вещи в Петербурге когда-нибудь уходили из парадных фасадов в боковые корпуса, пристройки, проходные с облупленной краской и длинные коридоры, где пахло не историей, а мокрым линолеумом, хлоркой и чужим ожиданием. Здание на Лесном проспекте стояло так, будто его забыли снести, потом забыли отремонтировать, потом внесли в какой-то перечень и этим спасли от честной смерти. На первом этаже светились окна частной лаборатории, где сдавали кровь на всё, что можно было превратить в услугу. Сбоку была металлическая дверь без вывески. Над ней камера, под ней домофон, рядом табличка с выцветшим номером отдела.

Суханов позвонил заранее.

Это помогло ровно настолько, чтобы их не держали под дождём пятнадцать минут. Их держали пять.

Рита стояла под козырьком и курила, не зажигая сигарету. Просто держала её во рту, потому что в некоторых местах нельзя было курить, но можно было хотеть убить всех без исключения.

- Прекрасное учреждение, - сказала она. - Снаружи анализы, внутри архив. Организм как бизнес-модель.

- Сигарету убери, - сказал Суханов.

- Она не горит.

- Всё равно убери.

- Ты теперь у нас главный по пожарной безопасности совести?

Суханов посмотрел на неё. Рита вытащила сигарету и засунула в карман.

Паша держал папку с копиями. Не Надиными. Своими. Он сам настоял, чтобы заявление о незаконном использовании его процессуальной роли шло отдельным приложением. Суханов сперва буркнул, что бумага не бронезилет. Паша ответил, что в этом контуре бумага иногда как раз бронезилет, только мерзкий. Суханов не спорил. Возможно, потому что сам так думал.

Нина шла с ними. Бледная, в чужой куртке, которую Рита нашла в офисе и объявила медицинским имуществом, потому что иначе никто бы не посмел взять. Нина дрожала не от холода. Надя это видела. И не жалела. Не сейчас. Жалость к Нине была бы слишком простой. А простота в их деле уже несколько раз пыталась убить живых людей.

Дверь щёлкнула. Внутри пахло батарейной духотой, влажной бумагой и дешёвым мылом из дозатора. Охранник записал фамилии в журнал, долго смотрел на удостоверение Суханова, потом на Пашу, потом на Надю, как будто пытался решить, кого из них ему потом будет проще забыть.

- К Галине Петровне, - сказал Суханов.

Охранник кивнул вглубь коридора.

- Третий. Налево. Только она одна сегодня.

- Очень жаль, - сказала Рита.

- Чего жаль?

- Что свидетелей мало.

Охранник открыл рот, потом закрыл. В этот вечер многие быстро учились экономить слова.

Галина Петровна оказалась маленькой женщиной с лицом старой канцелярии. Не старой женщины, а именно канцелярии: тонкие губы, очки на цепочке, руки с выступившими венами, серый кардиган, папка рядом с клавиатурой, кружка с облупившейся ромашкой. На столе стоял

монитор, за ним - полки с папками, за полками - ещё одна дверь, уже внутренняя, с механическим замком.

Она сразу посмотрела на Нину.

И испугалась.

Это было очень быстро. Почти незаметно. Но Надя увидела.

- Нина Сергеевна, - сказала Галина Петровна.

Нина опустила глаза.

- Добрый вечер.

- Вас... вас не должно быть здесь.

- Удивительно, - сказала Рита. - Сегодня это уже второй человек, которому по документам лучше было бы лежать.

Суханов достал постановление. Формально оно было не совсем постановлением, а срочным запросом в рамках проверки. Но Суханов умел держать бумагу так, что у бумаги начинали расти плечи.

- Нам нужны оригиналы регистрационных карт по Климовой Марии Сергеевне. Период после даты смерти. Все журналы выдачи. Все вложения по речевому материалу. Все ссылки на резервное зеркало.

Галина Петровна побледнела сильнее.

- У нас нет таких материалов.

- Вы не посмотрели.

- Я знаю фонд.

- Тогда быстро найдёте.

Она посмотрела на Нину. Потом на Надю. На Наде задержалась дольше.

- Вы родственница?

- Дочь.

Галина Петровна сняла очки. Протёрла стекло платком, хотя стекло было чистым.

- Вам нельзя.

Паша чуть сдвинулся. Не к Наде. К столу. Закрыв своим движением прямую линию между Галиной Петровной и дверью. Не угрожающе. Просто так, чтобы человеку стало труднее выйти из разговора.

- На каком основании? - спросил он.

- Там персональные данные.

- Предъявлен запрос.

- Запрос должен идти через юридический отдел.

- Юридический отдел сейчас будет очень занят, если мы начнём оформлять сокрытие материала, связанного с подделкой подписи умершего лица.

Галина Петровна резко подняла голову.

- Я ничего не скрываю.

- Тогда открывайте фонд, - сказал Суханов.

Надя молчала. Смотрела на руки Галины Петровны. Они лежали на столе ровно, но большой палец правой руки тёр край папки. Раз, два, три. Старый ритм тревоги. Не виновность. Страх. Страх человека, который много лет хранил не тайну даже, а порядок, и теперь порядок пришли разворачивать грязной стороной.

- Кто вам сказал, что мне нельзя? - спросила Надя.

Галина Петровна посмотрела на неё.

- Что?

- Вы сказали: вам нельзя. Не "не положено", не "запрещено", не "через юридический отдел". Вам нельзя. Кто так сказал?

- Никто.

- Врёте.

- Климова, - тихо сказал Паша.

Она не повернулась.

- Нет. Пусть ответит.

Галина Петровна сжала платок.

- Я работаю здесь тридцать лет.

- Это не ответ.

- Я видела, что бывает, когда родственники лезут в такие папки.

- В такие?

- В закрытые.

- Кто закрыл?

- Я не помню.

Надя наклонилась чуть ближе. Не сильно. Но Галина Петровна отодвинулась.

- Вы помните. У вас на лице написано, что помните.

- Надя, - сказал Паша ещё тише.

Вот теперь она повернулась. Не резко.

- Что?

- Дави по делу.

Она несколько секунд смотрела на него. Потом поняла. Он не просил её быть мягкой. Он не спасал Галину Петровну. Он напоминал, что жестокость тоже должна быть точной, иначе она становится подарком системе. Система потом оформит: эмоциональное давление дочери, неустойчивость, нарушение границ.

Надя выпрямилась.

- Хорошо. По делу. Галина Петровна, у нас есть скан согласия от имени Марии Сергеевны Климовой, датированный через одиннадцать дней после её официальной смерти. Если вы сейчас не откроете журнал, я оформлю изъятие через обыск, и тогда сюда зайдут люди, которым всё равно, какие папки стояли ровно. Они вынесут сервер, сейфы, ваши коробки, личную кружку с ромашкой, если она будет мешать описи. Я не угрожаю. Я объясняю разницу между вашей помощью и нашей работой без вашей помощи.

Галина Петровна побледнела до желтизны.

Рита посмотрела на Надю с почти уважением.

- Вот теперь прям нормально. Человек вернулся в профессию, аж мерзко стало.

- Спасибо, - сказала Надя.

- Это не комплимент.

- Я поняла.

Галина Петровна встала. Достала из ящика связку ключей. На цепочке болтался маленький пластиковый медвежонок, потёртый до бесцветности. Она долго выбирала ключ, потом открыла внутреннюю дверь.

За дверью была узкая комната с металлическими стеллажами. Папки, коробки, архивные кассеты, старые журналы в тёмных обложках. Свет включился не сразу, мигнул дважды, потом нехотя остался. Пахнуло пылью, сухим клеем, старым картоном и тем особым архивным временем, где люди давно ушли, а их ошибки лежат в алфавитном порядке.

- Без неё, - сказала Галина Петровна, кивнув на Нину.

- С ней, - сказал Суханов.

- Она не имеет права.

- Сегодня у всех проблемы с правами.

Нина осталась у двери. Не спорила. Её и так качало.

Галина Петровна подошла к третьему стеллажу, достала журнал, потом второй, потом коробку с выцветшей наклейкой.

КЛМ. РЕЧ. МАТ. 0.

Надя смотрела на наклейку. КЛМ могло быть что угодно. Но не было. Слишком многое в этот вечер притворялось случайным и слишком плохо старалось.

Паша поставил телефон на запись, проговорил дату, время, место, участников. Суханов не возражал. Галина Петровна попыталась возразить глазами, но не словами.

Они раскрыли первый журнал.

Записи шли столбцами. Фамилия. Дата. Основание. Носитель. Ответственный. Примечание. Почерк менялся: один ровный, другой угловатый, третий торопливый. Между строками были пятна, следы пальцев, старые исправления. Живая бумага сопротивлялась чистоте скана.

- Вот, - сказал Морозов в наушнике.

Он сидел не с ними, а в машине с подключением к копии, потому что кто-то должен был следить за цифровой стороной и материться в отдельном помещении. Звук шёл через Пашин телефон.

- По номеру коробки бьётся. Открывайте карту девять.

Галина Петровна вздрогнула.

- У вас нет доступа к нашей системе.

- Конечно нет, - сказал Морозов. - У вас системы нет, у вас электронная помойка с паролем на стикере. Я в неё не заходил. Я обошёл вокруг и мне стало стыдно за профессию.

- Морозов, - сказал Суханов.

- Всё, молчу. Карта девять.

Рита сняла с полки тонкую папку. На обложке было написано от руки:

Климова М. С. - голосовой массив.

Надя не взяла её. Руки сами не двинулись. Паша это увидел. И не подал. Он просто сказал:

- Я открою.

Она кивнула.

Он открыл папку на столе. Внутри лежали листы. Не много. Пять страниц, две копии, один тонкий конверт с окошком для маленького носителя. Носителя не было.

Первый лист был тем самым согласием. В оригинале подпись выглядела хуже, чем на скане. Ручка местами сорвалась, буквы были неуверенные, но сам росчерк сохранил привычку руки. Надя знала эту привычку. Не глазами даже. Кожей. В детстве она видела, как мать подписывала квитанции, школьные записки, какие-то глупые заявления. Мария всегда слишком резко выводила первую букву, будто спорила даже с бумагой.

Здесь первая буква тоже была резкой.

- Похожа? - спросил Суханов.

Надя не ответила сразу.

- Похожа.

Рита выругалась тихо.

- Это не значит, что её рука.

- Я знаю.

- Похожа не равно её.

- Я знаю, Рита.

Паша перевернул лист. На обороте стоял штамп регистрации.

Дата.

Та самая.

Через одиннадцать дней после смерти.

Суханов поставил ладонь на край стола. Костяшки побелели.

- Дальше, - сказал он.

Второй лист был актом приёма речевого материала. Не человека. Материала. Формулировка была настолько спокойной, что от неё хотелось вскрыть стену.

"Материал получен в пригодном качестве. Носитель маркирован. Использование допускается для последующей оценки реакции несовершеннолетней Н. К. при условии закрытого доступа".

Рита закрыла глаза.

- Несовершеннолетней Н. К., - сказала она. - Даже имя пожалели.

Надя читала дальше.

Ответственный за приём.

Подпись была нечёткая. Фамилия - почти. Архипов.

Паша поднял глаза.

- Архипов из пятой?

- Или однофамилец, - сказала Надя.

- Не верю в такие подарки.

- И правильно, - сказал Морозов в наушнике. - Подождите. Я вижу связку. Архипов проходил в старой ведомственной базе как консультант по речевым массивам до того, как стал тем, кем стал. Красиво. Человек рос по карьерной лестнице прямо на чужих голосах.

Галина Петровна шепнула:

- Не надо его имя вслух.

Все посмотрели на неё.

Она осела на стул, как будто ноги наконец поняли, что стоять дальше вредно.

- Он приезжал тогда, - сказала она. - Не часто. Я была младшим регистратором. Мне сказали принести журнал. Я принесла. Там была женщина.

Надя перестала дышать.

- Какая женщина?

Галина Петровна смотрела на папку.

- Худенькая. Очень усталая. Волосы тёмные. Я её лица почти не помню. Она говорила плохо. Тихо. С перебоями. Но живая.

Суханов резко повернулся.

- Кого вы видели?

- Я не знаю.

- Кого?

- Мне сказали не смотреть в карту.

Надя слышала собственный пульс. Он был слишком громкий для архивной комнаты.

- Дата? - спросила она.

Галина Петровна ткнула пальцем в журнал.

Та самая дата.

Через одиннадцать дней после официальной смерти Марии.

- Вы хотите сказать, что моя мать была здесь живой после смерти?

Галина Петровна заплакала. Слезы потекли сразу, тихо, старчески, без всхлипов.

- Я не знаю, кто это была. Я правда не знаю. Мне сказали - материал. Не пациент. Не родственник. Не дело. Материал. Я тогда была молодая, у меня ребёнок маленький, муж пил. Я ничего не спрашивала.

Рита сказала очень ровно:

- Так обычно и живёт страна. Муж пил, ребёнок маленький, поэтому мёртвые ходят подписывать согласия.

Суханов не сказал ей замолчать.

Надя взяла третий лист.

Пальцы не дрожали. Она почти хотела, чтобы дрожали. Но нет. Тело выбрало старую рабочую подлость: держи, читай, потом умрёшь.

Третий лист был коротким.

"Статус Климовой М. С. в медицинском контуре: временно активен. Основание: перенос даты закрытия записи до завершения речевой процедуры".

- Перенос даты закрытия, - сказал Паша.

- Не смерти, - сказала Надя. - Записи.

- Для системы это могло быть одно и то же, - сказал Морозов.

- Для системы много что могло быть одним и тем же, - сказала Рита. - Человек, голос, подпись, труп, мать. Удобная хуйня эта ваша система.

Суханов подошёл к окну, хотя окна в архивной комнате не было. Он просто подошёл к стене и остановился перед стеллажом.

- Я видел закрытое дело, - сказал он.

Никто не перебил.

- Мне показали бумагу. Смерть подтверждена. Мария Климова не транспортируется. Дальше работа с ребёнком. Я был молодой дурак, но не настолько, чтобы не понимать запах. Запаха тела не было. Не было морга. Не было простыни. Была бумага.

- Ты думал, что тело уже вывезли, - сказала Надя.

- Я думал, что мне не дали туда, куда уже не пустят.

- А куда тебя пустили?

Он повернулся.

- К тебе.

Она кивнула. Вот теперь старый осколок встал на место. Не весь. Только край. Суханов был не первым конвойным Марии. Он был первым человеком, которого поставили перед ребёнком после того, как взрослые уже сделали своё. Его вина была настоящей. Но начало было глубже.

Паша перевернул последний лист.

На нём была отметка о маршруте.

"Передача носителя: корпус Р-3. Резервное зеркало. Север-3".

- Корпус Р-3, - сказала Нина.

Все посмотрели на неё.

Она стояла в дверях архивной комнаты. Бледная, почти серая, но стояла.

- Я знаю, где это.

- Тогда говорите, - сказал Суханов.

- Это не действующий корпус. Официально. Там был старый речевой блок. Потом его закрыли, часть оборудования вывезли, часть оставили. В новых документах он проходит как склад нейропсихологических материалов.

- Адрес.

Нина назвала.

Надя узнала район. Кондратьевский. Старые корпуса, промзона, переулок, где ночью даже фонари светили так, будто им не хотелось.

Морозов в наушнике тихо сказал:

- Проверяю. Есть кадастровая запись. Собственник через три прокладки. Последнее обслуживание сети - восемь месяцев назад. Для заброшенного склада слишком бодро.

Галина Петровна вдруг схватила Надю за рукав.

Паша напрягся.

Надя не дёрнулась.

- Не ходите туда одна, - сказала Галина Петровна.

- Я уже слышала сегодня эту мысль.

- Нет. Не поэтому. Там не просто записи. Там делают так, чтобы человек услышал именно то, что ему нельзя слышать.

Рита медленно убрала её руку с рукава Нади.

- Спасибо, бабушка-архив. Очень успокаивает.

Галина Петровна посмотрела на Надю.

- Ваша мать, если это была она... она сказала одну фразу. Я её запомнила, потому что потом думала о ней много лет.

Надя ждала.

- Она сказала: "Не отдавайте ей мой голос целиком. Она решит, что это я".

В архивной комнате стало слышно, как в коридоре гудит старый холодильник для про-
бирок. Тупой, бытовой звук. Прекрасный звук для места, где только что открыли одиннадцать
дней между смертью и голосом.

Надя закрыла папку.

- Едем в Р-3.

Паша выключил запись на телефоне.

Суханов взял оригиналы под опись.

Рита посмотрела на Нину.

- А вы, автор маленькой строки, поедете с нами и будете показывать, где у вас там клад-
бище голоса.

Нина кивнула.

Надя вышла из архива первой. В коридоре свет мигнул, но не погас.

На этот раз город просто смотрел.

Глава 12. Одиннадцать дней

Корпус Р-3 не выглядел брошенным.

Это было первое, что Надя заметила, когда машина остановилась у низкого кирпичного здания за Кондратьевским. Брошенные здания в Петербурге умели гнить честно: выбитые окна, граффити, мокрый мусор у стен, проржавевшие решётки, следы тех, кто ищет тепло, металл или место, где можно исчезнуть на ночь. Р-3 не гнил. Он затаился. Окна были заколочены аккуратными щитами изнутри, дверь со двора покрашена недавно, камера над входом маленькая, новая, почти незаметная. У водосточной трубы лежал окурок с сухим фильтром. Не старый. Снегом и дождём его не размыло.

- Склад, говорите, - сказала Рита.

Нина стояла рядом с машиной и смотрела на дверь.

- В документах.

- В документах у нас сегодня даже мёртвые подписываются. Документы нервничают, но справляются.

Суханов говорил по телефону. Коротко, зло, без лишней педагогики. Он вызвал группу, но ждать не стал. В таких местах ожидание часто работало на тех, кто внутри. Паша уже проверял периметр, не изображая спецназ. Просто смотрел: камера, дверь, боковой проезд, старый пожарный выход, мокрый след шин у ворот.

Морозов приехал отдельно, в машине, где на заднем сиденье лежали ноутбук, два кабеля, переносной аккумулятор и пакет с чем-то, что выглядело как незаконный набор шамана, если шаман ненавидит вай-фай.

- Сеть есть, - сказал он, не здороваясь с корпусом. - Слабая, но есть. Закрытая точка. Имя скрыто, но кто-то очень умный оставил оборудование болтаться в эфире. Я сейчас заплачу от нежности.

- Быстро сможешь? - спросил Суханов.

Морозов посмотрел на него как на личную обиду.

- Нет. Но начну.

Нина подошла к боковой двери.

- Раньше вход был здесь. Основной с другой стороны, но там пост.

- Раньше - это когда? - спросила Надя.

- Я была здесь два раза. На обучении. Нам показывали, как работает речевая разметка. Старое оборудование уже не включали. Говорили, что это музейная часть.

- Музейная часть, - повторила Рита. - Зал "как мы превращали матерей в аудиофайл".

Нина вздрогнула, но не ответила.

Паша присел у замка.

- Электронный.

- У меня есть код, - сказала Нина.

Все посмотрели на неё.

Она опустила глаза.

- Был. Для обучения. Он давно не должен работать.

- Сегодня день старых вещей, которые не должны работать, - сказал Морозов.

Нина набрала шесть цифр.

Замок моргнул красным.

- Не работает, - сказала она слишком быстро.

Морозов подошёл, отодвинул её плечом без грубости, посмотрел на панель.

- Он не работает. Он думает. Это хуже.

Панель моргнула снова. Жёлтым.

Суханов вынул пистолет. Не показно. Просто рука оказалась там, где ей полагалось быть. Замок щёлкнул.

Дверь открылась внутрь.

В коридоре было темно, но не пусто. Пахло пластиком проводов, холодной пылью, старой вентиляцией и чем-то медицинским, очень слабым, будто хлорка давно ушла, но оставила родственника. На полу не было мусора. Линолеум был серый, протёртый по центру. Кто-то здесь ходил. Не часто. Достаточно.

- Не трогать стены, - сказал Суханов.

- Да кто ж их хотел ласкать, - сказала Рита.

Они вошли.

Надя шла второй, после Суханова. Паша позади, Нина между ним и Ритой, Морозов замыкал, уже держа планшет и маленький прибор, на котором мигали какие-то точки. В коридоре были двери с облупившимися табличками.

Кабинет 1. Акустическая подготовка.

Кабинет 2. Первичная запись.

Кабинет 3. Оценка реакции.

Дверь в конце коридора была новая. На ней не было таблички.

Надя остановилась у третьего кабинета.

- Здесь?

Нина кивнула.

- Нам показывали его снаружи. Говорили, что внутри старые стенды.

Суханов открыл дверь плечом после короткой проверки. Кабинет оказался маленьким. Стол. Два стула. Панель с мутным стеклом. Динамик под потолком. На стене старый звукопоглощающий материал, местами вспухший от сырости. В углу металлический шкаф.

Рита вошла, остановилась и сразу сказала:

- Тут слушали.

- Что? - спросил Паша.

- Не записывали. Слушали. Запись обычно пахнет людьми, проводами, кофе, грязью. Тут пахнет ожиданием.

Морозов поднял глаза.

- Запах ожидания. Судмед поэзии.

- Заткнись, техногном.

Но она была права. Надя тоже это почувствовала, хотя не назвала бы. Кабинет был не местом, где человек говорил. Это было место, где человеку включали что-то и смотрели, как он выдержит.

Морозов открыл металлический шкаф. Внутри стояли коробки с носителями. Старые аудиокассеты, диски, маленькие жёсткие диски в антистатических пакетах, бумажные карточки. На многих были номера, не имена.

- Вот тебе и склад, - сказал он.

Суханов подошёл к коробкам.

- Опись.

- Сначала фото, - сказал Паша.

Они зафиксировали шкаф, полки, номера, положение коробок. Работали молча. Это было почти успокаивающе: когда мир расползается, процедура иногда держит не правду, а руки.

Надя увидела карточку не сразу. Она лежала боком между двумя пакетами, чуть выдвинутая, будто её доставали недавно и сунули обратно не до конца.

КЛИМ-МС/ПОЛН/НЕ ВОСПР.

Полная. Не воспроизводить.

Рита подошла ближе.

- Это оно?

- Похоже, - сказал Морозов.

- Похоже, - повторила Надя. - Прекрасное слово. Сегодня оно уже почти родственник.

Она не взяла карточку. Паша взял перчатки, достал её пинцетом, положил на чистый пакет. На обороте был штамп.

Север-3. Резервное зеркало. Авторский доступ.

Ниже - строка:

"Воспроизведение допускается только при наличии объекта реакции или уполномоченного автора".

- Объект реакции, - сказал Суханов.

- Это я, - сказала Надя.

Нина тихо добавила:

- Не только вы.

Все повернулись.

Она стояла у панели с мутным стеклом. Лицо у неё стало почти прозрачным.

- В сценарной оценке объект реакции - тот, кто слушает материал и должен изменить поведение. Это не всегда тот, о ком материал. Иногда материал про одного, а объект реакции другой.

- То есть голос Марии могли включать не Наде, - сказал Паша.

- Да.

- Кому?

Нина посмотрела на Суханова.

Суханов медленно поднял голову.

- Мне.

Никто не сказал "почему". В этой комнате слово "почему" выглядело слишком детским. Ответы были на стенах, в шкафу, в датах, в чужой аккуратности. Если Суханова годами держали в одной форме вины, значит, кто-то тоже слушал, как он реагирует на Мариины фразы. Может быть, однажды. Может быть, не здесь. Может быть, достаточно было его молчания перед семилетней Надей.

Морозов нашёл в шкафу небольшой регистратор. Старый, но подключённый к новому блоку питания. Он присел, посветил фонариком.

- Это недавно запускали.

- Насколько недавно? - спросил Суханов.

- Сегодня.

Тишина в кабинете стала плотной.

- Они ждали нас? - спросила Рита.

- Не обязательно, - сказал Морозов. - Могли готовить. Сценарий же компенсационный.

Если Паша отказался, им нужен другой старый узел.

Суханов сказал:

- Я.

- Да, - сказала Надя.

Она не стала смягчать. Он бы всё равно услышал.

В коридоре что-то щёлкнуло.

Паша сразу вышел к двери. Суханов поднял оружие. Рита схватила Нину за рукав и оттянула от панели. Морозов замер у шкафа.

Свет в кабинете включился.

Не тот, который они включили сами. Другой. Ровный, белый, слишком чистый. Под потолком загорелась лампа, до этого мёртвая.

Динамик щёлкнул.

Надя не успела сказать "не слушать".

Из динамика пошёл шум.

Сначала низкий, старый, магнитный. Потом вдох.

Голос Марии прозвучал негромко:

- Если вы дошли до этой комнаты, значит, они сделали вид, что нашли меня.

Надя стояла неподвижно.

Паша посмотрел на неё, но ничего не сказал. Не бросился выключать. Не решил за неё.

Это было правильно и почти невыносимо.

Мария говорила медленно, с усталостью, которая резала сильнее крика:

- Я не знаю, кто будет слушать. Надя. Игорь. Кто-то чужой. Они всегда делают так, чтобы человеку казалось, что голос обращён только к нему. Это ложь. Голос легче всего подделать не техникой. Ожиданием.

Рита прошептала:

- Господи.

Морозов рванулся к блоку питания.

- Не трогай! - сказал Суханов.

Морозов замер.

Мария продолжала:

- После даты смерти у меня было одиннадцать дней. Не жизни. Не свободы. Дней, которые они украли у документов, чтобы закончить процедуру. Если вам скажут, что я подписала, проверьте руку. Если скажут, что я согласилась, проверьте, кто стоял за стеклом. Если скажут, что я оставила голос дочери, не верьте. Я оставила ошибку.

Надя чуть подалась вперёд.

- Ошибку, - повторила она беззвучно.

В динамике снова пошёл шум. Где-то далеко на записи хлопнула дверь. Мужской голос сказал неразборчиво:

- Дальше по протоколу.

Мария сказала быстрее:

- Ошибка в том, что они думают: если человек однажды пошёл за грязной правдой, он всегда пойдёт тем же путём. Надя, если это ты, не иди за мной. Не спасай меня. Найди того, кто написал тебе необходимость спасать.

Суханов опустил оружие на несколько сантиметров.

Паша смотрел в коридор.

Рита держала Нину так крепко, что у той побелела кожа на руке.

Мария вдохнула.

- Игорь. Если ты слышишь это, ты не первый. Но ты был удобным первым. Им нужен был человек, который поверит в свою вину сильнее, чем в чужую подпись. Не отдавай им это до конца.

Суханов закрыл глаза.

На секунду он выглядел очень старым. Не слабым. Старым. Человеком, которого много лет держали за одну точку, а теперь сказали, что точка была настоящей, только нитка шла не туда.

Динамик щёлкнул.

Голос Марии исчез.

Вместо него заговорил другой голос.

Суханов.

- Я всё помнил с самого начала.

Надя резко повернулась.

Суханов стоял рядом с ней и молчал.

Голос из динамика продолжал. Тот же тембр. Та же хрипотца. Та же усталая тяжесть на согласных. Почти идеально.

- Я видел Марию Климову после даты смерти. Я подтвердил передачу. Я скрыл это от Климовой Н. А. по личным мотивам и из страха служебных последствий.

- Выключи, - сказал Суханов.

Морозов уже был у блока. Выдернул кабель. Лампа погасла. Динамик захлебнулся тишиной.

Но последние слова успели прозвучать.

- Я готов дать признательные показания.

В темноте несколько секунд никто не двигался.

Потом Паша сказал:

- Камеры.

Морозов выругался так грязно, что даже Рита не перебила.

Надя подняла фонарь. Луч прошёл по панели с мутным стеклом, по шкафу, по лицу Суханова. Он стоял прямо. Очень прямо. Слишком прямо для человека, которого только что попытались записать собственным голосом.

- Это не я, - сказал он.

- Знаю, - сказала Надя.

Он посмотрел на неё.

- Не потому что веришь?

- Потому что ты так не говоришь.

Рита коротко, нервно усмехнулась.

- Да. Суханов бы сказал: "Я всё помнил, мать вашу, с самого начала". Минимум.

Паша уже вышел в коридор, проверяя камеры. Вернулся через полминуты.

- Одна пищет. Точнее, делала вид. Индикатор горит.

Морозов подключился к панели.

- Поток ушёл наружу. Не весь. Кусок. Они получили запись комнаты с синтетическим признанием Суханова.

- Куда? - спросил Суханов.

- Я не знаю быстро.

- Узнай медленно.

- Уже.

Нина вдруг сказала:

- Они не будут ждать.

Надя повернулась к ней.

- Что будет дальше?

Нина смотрела на тёмный динамик.

- Если компенсационный сценарий переключился на Суханова, то дальше им нужен внешний подтверждающий контур. Не запись. Человек. Кто-то, кто скажет, что слышал признание. Или получит его в виде файла и испугается настолько, что передаст выше.

- Кто?

Нина не ответила.

Морозов ответил вместо неё:

- Уже знаю. Файл ушёл на служебный адрес внутренней проверки. Тема: "Добровольное сообщение Суханова И. М.". Вложение формируется. Письмо не отправлено. Стоит в задержке на семь минут.

- Остановить можешь?

- Попробую.

- Морозов.

- Да блядь, я не бог электронного мусора! Тут всё через старый шлюз, новый прокси и какую-то ведомственную кишку, которую нормальный человек сжёт бы ещё в две тысячи лохматом.

- Значит, шесть минут, - сказал Паша.

- Уже пять сорок.

Суханов посмотрел на Надю.

- Если уйдёт, меня снимут.

- Не только снимут, - сказала она.

- Знаю.

Она видела, как сценарий складывается. Красиво. Почти безупречно. Паша отказался быть соавтором - они берут Суханова. Старую вину превращают в голосовое признание. Внутренняя проверка получает файл. Суханов отстраняется. Команда теряет старшего, защиту, доступ, часть законности. Надя остаётся с Марией, детскими записями и двумя людьми, которых можно оформить как конфликт интересов и нестабильность.

Вот так писали не смерть. Так писали одиночество.

- Пять двадцать, - сказал Морозов.

Рита посмотрела на дверь.

- Я могу разбить эту хуйню кувалдой, если найдёте кувалду.

- Не поможет, - сказал Морозов. - Но морально поддерживаю.

Паша сказал:

- Суханов, диктуйте сами.

- Что?

- Реальное сообщение. Сейчас. На камеру. До отправки файла. Не оправдание. Не отрицание. Процедура. "В помещении Р-3 выявлена попытка формирования синтетического голосового сообщения от моего имени". Дата. Время. Участники. Требование сохранить логи. Требование не принимать входящие файлы без проверки происхождения. Пусть ваше живое заявление придёт раньше их мёртвого.

Суханов смотрел на него две секунды. Потом кивнул.

- Камеру.

Надя достала телефон. Руки были холодные, но слушались.

- Паша, текст.

Паша начал говорить, быстро, сухо, без красивости. Суханов повторял. Не идеально. Своими словами. Мат пришлось убрать на втором дубле. Рита сказала, что зря, так было убедительнее. Морозов матерился над планшетом. Нина стояла у стены и смотрела на тёмную панель, как человек, впервые увидевший алтарь собственной профессии.

- Три минуты, - сказал Морозов.

Суханов закончил запись.

- Отправляй всем, - сказал он. - Не только внутренке. Дежурному. Моему начальству. В канцелярию. В группу. Себе. Лазареву. Рите. Да хоть участковому коту, если у него почта есть.

- Кота нет, - сказал Морозов. - Но есть резервный адрес пресс-службы. Шучу. Почти.

Надя отправила.

- Две десять.

Морозов ударил пальцем по экрану.

- Есть.

- Что есть?

- Я не остановил письмо.

Суханов молча посмотрел на него.

- Зато подменил вложение.

Рита выдохнула.

- Техногном, я тебя почти люблю.

- Не надо. У меня слабая психика.

- Что отправилось? - спросил Паша.

Морозов поднял планшет.

- Вместо синтетического признания ушёл пустой файл с контрольной суммой и текстом: "Источник повреждён. Авторская сборка не завершена". Это не победа. Это плевок в суп.

- Иногда достаточно, - сказал Суханов.

Телефон Нади завибрировал.

На экране появилось системное окно. Не сообщение. Не письмо. Та самая чёрная рамка, в которой чужая версия уже несколько раз говорила с ними как с материалом.

Компенсационный сценарий: нарушен.

Суханов И. М.: не подтверждён.

Лазарев П. И.: отказ устойчив.

Климова Н. А.: отклонение от спасательной реакции.

Пауза.

Потом новая строка.

Запущен авторский пересчёт.

Ниже появилась папка.

Название было коротким:

НК_будущее_дело.

Надя смотрела на экран. Внутри снова стало тихо. Не спокойно. Тихо так, как бывает в квартире, где выключили свет, а лифт в подъезде продолжает подниматься.

Паша подошёл ближе. Не коснулся.

- Не открывай здесь.

- Не буду.

- Правда?

Она усмехнулась. Сухо, почти без лица.

- Я сегодня учусь.

Рита подошла с другой стороны.

- Прямо на глазах. Скоро начнёшь есть суп и спать по ночам. Все ахуют.

Суханов взял у Нади телефон, посмотрел на название папки и вернул.

- Это уже не только про тебя.

- Знаю.

- Они пересчитывают книгу.

Надя посмотрела на него.

Суханов сам поморщился от своей фразы.

- Господи, звучит как говно из литературного кружка.

- Зато точно, - сказал Паша.

Морозов вытащил кабель из панели.

- Уходим. Сейчас сюда приедет кто-нибудь официальный, и официальность будет пахнуть наручниками.

Нина вдруг пошатнулась. Рита подхватила её.

- Жива?

- Да.

- Не расслабляйтесь. У нас это временное состояние.

Они вышли из кабинета. В коридоре было темно. Старая вентиляция гудела, как больной сон. На улице за кирпичными стенами шумел город, которому было всё равно, сколько голосов спрятали в заброшенном корпусе и сколько людей согласились с одной аккуратной строкой.

У двери Надя остановилась и обернулась.

В глубине коридора, у кабинета оценки реакции, на секунду мигнул маленький красный огонёк. Потом погас.

На телефоне снова вспыхнул экран.

Папка "НК_будущее_дело" больше не была пустой.

Внутри появился первый файл.

"Последний вход: Климова Н. А."

Время создания: через сорок минут.

Глава 13. Через сорок минут

Они вышли из Р-3 не бегом.

Бег был бы красивым и глупым. Бег любят камеры, потому что потом его удобно показывать в рапорте: группа покидает помещение поспешно, действия выглядят несогласованными, руководитель не установлен, признаки паники. Надя почти физически почувствовала, как чужой текст уже ищет для них глаголы. Не ушли, а скрылись. Не вывезли свидетеля, а увели. Не сохранили носитель, а похитили. Не спорили с будущим делом, а подтверждали его каждым движением.

Поэтому они шли быстро, но ровно. Суханов первым, тяжёлый, злой, с папкой под мышкой и телефоном у уха. Он говорил с кем-то сухо и неприятно, не повышая голоса, и от этого было понятно, что человеку на другом конце сейчас лучше не перебивать. Рита тащила Нину Громову за локоть так, будто это не свидетель, а плохо закреплённый пакет с органами, который нужно донести до стола живым. Морозов держал рюкзак на одном плече и всё время смотрел не под ноги, а в планшет. Паша шёл сзади, не отставая и не прикрывая Надю красиво. Просто занимал то место, где мог увидеть дверь, двор, боковой проезд и её плечо одновременно.

Надя шла между ними и думала не о файле.

Это было неправильно. Файл "Последний вход: Климова Н. А." должен был занимать всё пространство внутри головы. Время создания: через сорок минут. Чужая версия снова подняла руку и показала часы. Только теперь это были не часы смерти Громовой, не согласование формулировки, не письмо Рите до тела. Это было её имя, её частная контора, её старая дверь на Дровяном, куда люди приходили, когда уже не верили, что официальные кабинеты способны слышать живых.

Но Надя думала о другом.

О том, что если система дала ей сорок минут, значит, эти сорок минут уже были частью текста.

- В машину, - сказал Суханов.

- Не все, - ответила Надя.

Он остановился у задней двери и посмотрел на неё так, как смотрят старшие на людей, которые в неподходящий момент решили стать сложными.

- Климова.

- Нас ведут к точке, - сказала она. - Если мы сейчас всей группой поедem туда, куда ведёт файл, мы просто сыграем сцену. Может, не точно. Но достаточно.

Рита втолкнула Нину на заднее сиденье.

- Я за любые эксперименты, где я сижу в тёплой машине и не бегаю по складам голоса. Но уточни, пожалуйста, что у нас за точка, чтобы я могла ненавидеть её по имени.

Морозов поднял планшет.

- Уже уточняю. Файл в папке "НК_будущее_дело" создан в Р-3, но целевой узел не Р-3. Там прописан обратный маршрут. Красиво, сука. Как будто файл оставили в коридоре, а дверь откроется в другом месте.

- Где?

Он провёл пальцем по экрану, увеличил строку журнала. Лицо стало нехорошим.

- ДП-1.

Надя закрыла глаза на секунду. Не от слабости. От того, что тело поняло раньше мысли.

- Дровяной, - сказал Паша.

- Да, - сказал Морозов. - Старый адрес. Внешний узел зарегистрирован как "Последний вход". Климова, у тебя там что, офис до сих пор с древним роутером, который надо было похоронить с почестями?

- Там всё отключено от внешнего контура.
- Любимая фраза владельца устройства перед тем, как я нахожу в нём активный шлюз.
- Не умничай.
- Я не умничаю. Я паникую профессионально.

Суханов открыл водительскую дверь, потом передумал и захлопнул.

- Сколько до создания?
- Тридцать семь минут, - сказал Морозов.

Нина с заднего сиденья вдруг сказала:

- Если это ДП-1, значит, они хотят не убить вас.

Рита повернулась к ней.

- Ну спасибо, стало прямо как на курорте.

- Они хотят, чтобы ваша точка выглядела источником. Частная контора. Не служебный кабинет. Не Р-3. Не медицинский архив. Место, где вы якобы сами собирали материалы.

Надя посмотрела на неё.

- То есть "Последний вход" станет не названием, а доказательством.

Нина кивнула. У неё были синие губы, хотя в машине уже стало тепло.

- Авторский доступ любит личные точки. Там версия выглядит естественнее. Человек сам пришёл. Сам открыл. Сам написал. Сам выбрал.

- Сам повесился на хорошем ремне, сам случайно упал с балкона, сам подписал после смерти, - сказала Рита. - Прекрасная философия. Надо в буклет.

Суханов коротко ткнул пальцем в сторону второй машины.

- Разделяемся. Но без героизма. Климова, ты со мной.

- Нет.

- Я не спрашивал.

- И я не отвечаю на приказ, который уже написан.

Он медленно вдохнул.

Паша не вмешался. Это было правильно и раздражающе. Раньше он бы сказал что-нибудь ровное, чтобы не дать им столкнуться. Теперь он молчал, потому что столкновение иногда показывало края лучше любого посредничества.

- Файл называется моим именем, - сказала Надя. - Значит, они ждут меня у моей двери. Или ждут, что я откажусь ехать и сделаю вид, что умнее. Оба варианта удобные, если их не оформить.

- А третий?

- Третий - я поеду, но не войду.

Морозов поднял глаза.

- Юридическая извращённость растёт в группе как грибок.

- Паша и ты зайдёте внутрь как отдельная проверочная группа. Суханов оформит выезд.

Рита остаётся с Ниной во дворе под камерой и делает из неё живую проблему для любого протокола. Я буду снаружи. Если файл требует моего входа, он его не получит.

- Если внутри человек? - спросил Паша.

- Тогда ты не геройствуешь.

Он усмехнулся краем рта.

- Я вообще сегодня коллекционирую чужие запреты.

- Не коллекционируй. Выполняй.

- Слишком интимная просьба для рабочей группы.

Рита резко фыркнула.

- Господи, наконец-то живые люди. А то у нас тут последние полчаса одни папки, мертвецы и моральная плесень.

Суханов посмотрел на Пашу.

- Берёшь Морозова. Внутри не лезешь без фиксации. Если дверь открыта, не трогаешь ручку голыми руками. Если внутри носитель, не вытаскиваешь сам. Если увидишь Климову на экране, не веришь.

- Я запомню.

- Это не шутка.

- Я понял.

Суханов повернулся к Наде.

- Ты со мной у входа. Не одна. Даже если тебе очень захочется доказать миру, что ты каменная.

- Я не каменная.

- Да я заметил. Камень меньше проблем создаёт.

Они выехали с Кондратьевского через двор, где фонари светили в лужи, а мокрые гаражи пахли ржавчиной, бензином и старым картоном. Позади Р-3 остался темной коробкой, из которой они вынесли слишком много голосов и почти ничего не поняли до конца. Надя смотрела в окно. В стекле отражалось её лицо, затем Пашин профиль, затем планшет Морозова, где зеленоватая строка времени съедала минуту за минутой.

Тридцать две.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.